

Б.ЗД1
268

Н. М. Лобикова

**"ТЕСНЫЙ КРУГ
ДРУЗЕЙ МОИХ.."**

Пушкин и декабристы

5966

Н. М. Лобикови

**„ТЕСНЫЙ
КРУГ
ДРУЗЕЙ
МОИХ“**

Пушкин и декабристы

Пособие
для учащихся

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА № 3

Москва «Просвещение» 1980

Университетская
Московской области

ББК 83.3Р1
Л68

Рецензенты:

С. М. Петров, доктор филологических наук,
В. В. Пугачев, доктор исторических наук.

Лобикова Н. М.

Л68 «Тесный круг друзей моих»: Пушкин и декабристы. Пособие для учащихся. — М.: Просвещение, 1980. — 127 с., ил.

В книге ярко и увлекательно рассказано о друзьях Пушкина, героях Отечественной войны 1812 г. и декабристах, об их образах в творчестве поэта. В ней раскрываются высокие гражданские, нравственные идеалы Пушкина и его близких друзей.

Л $\frac{60601-273}{103(03)-80}$ 253—80 4306020300

ББК 83.3Р1
8Р1

© Издательство «Просвещение», 1980 г.

Современник войны 1812 г. и восстания декабристов, Пушкин широко откликнулся на эти выдающиеся события русской истории. Творчество великого поэта кровно связано с декабристским движением. Кульминационным пунктом борьбы революционных дворян против самодержавия, крепостного права и злоупотреблений в управлении страной было восстание 14 декабря. «В 1825 году, — писал В. И. Ленин, — Россия впервые видела революционное движение против царизма...»¹. Высоко ценя дело декабристов, Ленин вместе с тем отмечал их историческую ограниченность. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало»². Заслугу декабристов он видел в том, что, начав революционную борьбу, они пробудили к ней новые поколения борцов: сначала Герцена, позже революционеров-разночинцев и, наконец, народные массы.

Декабризм — это широкое общественное явление. Кроме непосредственных участников движения, было множество людей, сочувствующих им и во многом разделявших их взгляды. Атмосфера свободомыслия и передовых идей охватила в то время лучшую часть русской интеллигенции. Друзья и единомышленники поддерживали

¹ Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года. — Полное собрание сочинений, т. 30, с. 315.

² Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полное собрание сочинений, т. 21, с. 261.

декабристов. По словам декабриста В. И. Штейнгеля, чтобы истребить свободолюбие, для царя «нет другого средства, как истребить целое поколение людей», сформировавшихся в начале века.

Декабристы горячо любили родину. Для них не было ничего выше этой любви. Это чувство определяло их поступки, поведение, самую жизнь. Они храбро сражались в Отечественной войне, проливая свою кровь за независимость родины, а позже являли высокие образцы гражданского мужества, отстаивая ее счастье и свободу. «...Мы все пламенно любили Россию, — писал М. И. Муравьев-Апостол. — Никто из нас не скрывал от себя, что угрожало нам, никто не уклонился от пути, указанного нашей любовью к Отечеству, перед которым благоговели в 1812 году». Они пожертвовали всем ради своих высоких идей: общественным положением, имуществом, здоровьем и даже жизнью. Это были люди кристальной душевной чистоты, бескорыстия и благородства. Они твердо верили в правоту и величие своих идей и в необходимость революционных преобразований русской жизни. Скорбя о трагедии 14 декабря, они утешали себя тем, что «голос свободы раздавался» в этот день, пусть «несколько часов, но раздавался».

Среди декабристов были известные писатели (А. А. Бестужев-Марлинский) и поэты (К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский, В. Ф. Раевский). Не будучи профессиональными литераторами, многие из них писали стихи (В. Л. Давыдов, С. И. Муравьев-Апостол, братья М. А. и Н. А. Бестужевы и др.). Они оставили большое мемуарное наследство — воспоминания о восстании 14 декабря и сибирской каторге.

Как вы знаете из учебника по литературе, Пушкин был певцом декабристских идей, выразителем надежд и сомнений передовых людей своего времени. Поэт отразил само движение декабристов и упомянул имена его выдающихся деятелей (десятая глава «Евгения Онегина» и «Арион»). Пушкин называл декабристов своими «друзьями, братьями, товарищами». Тесные дружеские связи соединяли его с видными деятелями движения и лучшими представителями передовой интеллигенции.

В этой книге будет рассказано о «короткой связи» Пушкина с декабристами и об их общих друзьях, людях декабристского круга.

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

*

Война с Наполеоном была злободневной и волнующей темой литературы XIX века. Возникнув по свежим следам героических событий в творчестве лучших русских поэтов: В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, И. А. Крылова и юного Пушкина, она была подхвачена позже Л. Н. Толстым и развернулась под его пером в замечательную народную эпопею, роман «Война и мир». В годы грозных военных испытаний, когда решалась судьба России, Пушкин учился в Лицее. Он прославил в своих отроческих стихах Отечественную войну 1812 г. По мнению декабристов, Отечественная война привела к зарождению тайных обществ в России. Декабристы называли себя «детьми 1812 года». Почти все они, в ту пору молодые, принимали участие в войне с Наполеоном и удостоивались высоких наград за храбрость.

В начале войны особенно упорные бои велись под городом Витебском. В них участвовали будущие декабристы: 25-летний М. С. Лунин и С. И. Муравьев-Апостол, которому еще не было 16-ти лет.

В штабе армии находился в то время еще один декабрист, офицер С. Г. Волконский. С самого начала он безупречно выполнял ответственные военные поручения. Они требовали от военного курьера храбрости, отчаянной решимости и хладнокровия. В удачных поездках Волконского проявилась и удивительная его скромность. С честью выполняя свой воинский долг, он отклонял «от себя какое-либо право на заслугу».

В войне 1812 г. прославился генерал Николай Николаевич Раевский, с семьей которого были связаны многие декабристы и Пушкин. Под Дашковкой и на Салтановской плотине в течение 10 часов корпус Раевского вел неравный бой с пятью дивизиями наполеоновского маршала Даву. Когда русские войска под натиском численно превосходящего противника заколебались, Н. Н. Раевский взял за руки двух своих сыновей (старшему, Александру было 16 лет, а младшему, Николаю — 11) и, вдохновляя солдат, крикнул: «Вперед, ребята!.. я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!»

Родственник и друг Н. Н. Раевского поэт-партизан Д. В. Давыдов вспоминал о сражении, в котором Раевский, «как будто не он, а другой, следуемый двумя отроками-сынами, впереди колонн своих ударил в штыки по Салтановской плотине сквозь смертоносный огонь неприятеля»...: «после сего дела я своими глазами видел всю грудь и правую ногу Раевского... почерневшими от

А. С. Пушкин.
Художник
О. А. Кипренский
1827 г.

картечных контузий. Он о том не говорил никому, и знала о том одна малая часть из тех, кои пользовались его особою благосклонностью». В рапорте Багратиону скромный Н. Н. Раевский пишет о храбрости солдат и лишь вскользь упоминает о себе: «Единая храбрость и усердие российских войск могла избавить меня от истребления... неприятеля...»

Устные рассказы близких друзей о подвиге Раевских, описание его в исторических трудах, изображение битвы русских солдат во главе с отцом и двумя сыновьями на гравюрах (одну из гравюр посвятил этому бою Карделли), на многочисленных лубочных картинках и даже на табакерках прославили Раевских. В. А. Жуковский воспел их в «Певце во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами!

О битве под Дашковкой и Салтановкой вспоминал и Пушкин в посвящении к «Кавказскому пленнику». Обращаясь к Н. Н. Раевскому-сыну, он писал:

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и в след отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, как верный свет надежд.

Много говорили о подвиге Раевских и в русской армии. Вот как описано это в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Дождь лил ливнем, и Ростов с покровительствуемым им молодым офицером Ильным сидел под сгороженным на скорую руку шалашиком. Офицер их полка... с длинными усами, продолжавшимися от щек, ездивший в штаб и застигнутый дождем, зашел к Ростову.

— Я, граф, из штаба. Слышали подвиг Раевского? — И офицер рассказал подробности салтановского сражения, слышанные им в штабе. Офицер с двойными усами, Здржинский, рассказывал напыщенно о том, как Салтановская плотина была Фермопилами русских, как на этой

плотине был совершен генералом Раевским поступок, достойный древности. Здржинский рассказывал поступок Раевского, который вывел на плотину своих двух сыновей под страшный огонь и с ними рядом пошел в атаку».

Большое значение для победы России имела битва за Смоленск. Сознание важности этой битвы внушало ее участникам высочайшее чувство ответственности за ее исход. Решающую роль в этом сражении сыграли корпуса Н. Н. Раевского и Д. С. Дохтурова. «В ожидании дела я хотел несколько уснуть, — вспоминал Н. Н. Раевский, — но искренно признаюсь, что, несмотря на всю прошедшую ночь, проведенную мною на коне, я не мог сомкнуть глаз — столько озабочивала меня важность моего поста, от сохранения коего столь много, или лучше сказать, вся война зависела.»

Раевский оказался перед неприятелем, который был в десять раз сильнее его. Но все вражеские атаки были отбиты, и занятая русскими позиция сохранена. Сражение под Смоленском и сам Раевский считал своей наивысшей заслугой перед Родиной. «Сия Смоленская битва, в коей я с слабыми силами должен был бороться против огромных неприятельских сил, есть одна из всех битв моей долговременной службы, о которой вспоминаю я с наибольшим самодовольствием». «Я сражался с твердым намерением погибнуть на сем посту чести — быть может, и славы».

Битва продолжалась целые сутки, и только в полночь корпус генерала Дохтурова пришел на смену Раевскому и в течение следующих суток героически защищал город от превосходящих французских войск, возглавляемых самим Наполеоном. Дохтуров оставил Смоленск, когда армии Багратиона и Барклая-де-Толли были в безопасности.

В армии Барклая-де-Толли находился будущий декабристский деятель М. Ф. Орлов. Он сражался и раньше в войнах с Наполеоном в 1805—1807 гг. В битве при Аустерлице Орлов участвовал в разгроме французского отряда и за это был произведен из унтер-офицеров в офицеры.

Узнав о падении Смоленска и движении русской армии к древней столице, Н. М. Муравьев, будущий глава Северного общества, а тогда еще 16-летний юноша, горько переживал первые неудачи. «Он стал грустным, мол-

чальным, потерял сон»¹. Ежедневно добивался он позволения от матери поступить на военную службу. Из-за слабого его здоровья мать отклоняла эти просьбы. Наконец, охваченный восторженным патриотизмом, Никита Муравьев убежал из дома и направился в армию Кутузова. По дороге крестьяне задержали его, приняв за французского шпиона. При обыске нашли карту военных действий, где было отмечено расположение наполеоновских армий и список наполеоновских маршалов. Арестованного связали и бросили в тюрьму. И только на допросе все выяснилось, и его отправили к матери. «В 1812 году, — признавался позже Муравьев, — не имел я образа мыслей, кроме пламенной любви к Отечеству»².

Бородинская битва была крупным решающим сражением русских войск с Наполеоном. Русские военачальники и солдаты под командованием Кутузова проявили героическую самоотверженность, отстаивая свои позиции. Раевский, раненный перед боем в ногу, несмотря на «несносную боль», в день битвы был снова на коне. Защищая Центральный редут, названный впоследствии его именем, он личным примером вдохновлял солдат. В битве под Бородином был ранен старший сын, Александр Николаевич. Отец писал о нем: «Мой сын Александр храбрец, получил чин и орден Святого Владимира. Я надеюсь, что он продвинется и получит золотую шпагу».

В сражении под Бородином принимали участие многие декабристы: братья М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин и В. Л. Давыдов, М. Ф. Орлов. Личную храбрость проявил в битве С. П. Трубецкой.

26 августа 1812 г. в составе кавалерийского полка сражался М. С. Лунин, вначале у Семеновских флешей, а потом и у батареи Раевского, где кавалергарды обратили в бегство французскую кавалерию. «За оказанное отличие» Лунин «пожалован золотой шпагой с надписью за храбрость».

Высокие награды получили В. Ф. Раевский и П. И. Пестель. Для Пестеля Бородино было первым боевым крещением. С отрядом стрелков он действовал решительно и отважно. «...Под самый уже вечер 26 августа, — вспоминал позже Пестель, — ранен был жестоко ружей-

¹ См.: Декабристы рассказывают. М., 1975, с. 37.

² См.: Нечкина М. В. Декабристы. М., 1975, с. 18.

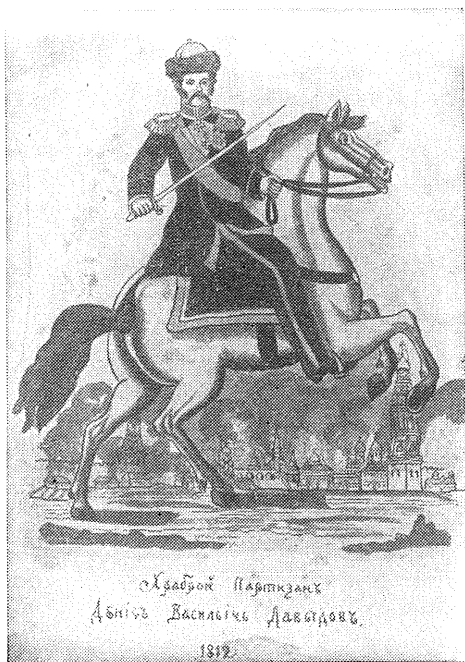
ной пулею в ногу с раздроблением костей и повреждением жил...»¹. За проявленную храбрость Кутузов наградил его на поле битвы золотой шпагой. А на следующий день почти полуживого Пестеля привезли в Калугу. Только в ноябре попал он в Петербург и до весны 1813 г. лечился от ран.

Русская армия отошла к Москве. Кутузов дал приказ оставить столицу без боя. Все жители Москвы вместе с армией ушли из города. «По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнится, — вспоминал декабрист И. Д. Якушкин, — слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!»².

В октябре 1812 г. Наполеон оставил Москву. Город был охвачен пожаром. «Москва, казалось, погружена

¹ Цит. по кн.: Медведская Л. А. Павел Иванович Пестель. М., 1967, с. 18.

² Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 7.

Денис Давыдов
на коне на фоне
горящей Москвы.
1812 г.

была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!»¹ — писал очевидец события, будущий декабрист Ф. Н. Глинка. Горели русские села. Теперь войной были захвачены все от мала до велика, и взрослые и дети. «Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жителях... Даже женщины сражаются!...»².

Еще накануне Бородинского сражения Д. В. Давыдов предложил Кутузову создать партизанский отряд для подрывных действий в тылу французской армии. Блестящая партизанская деятельность Давыдова сделала его одним из популярных героев 12 года. Отдельные отряды армии тоже переходили на партизанское положение. Такими партизанскими отрядами командовали в ту пору М. Ф. Орлов и С. Г. Волконский. Высокую оценку роли народа в победе над французами дал генерал Н. Н. Раевский: «Мужики более, чем войска, победили французов».

Мужественно сражалась русская армия на заключительном, победоносном этапе войны: при Тарутине, а позже под Малоярославцем, где от Наполеона была закрыта богатая продовольствием Калужская дорога, по которой французы собирались отступить из Москвы. Под селом Красным русская армия окружила и разбила корпус Нея. В этой битве отличился отряд генерала А. П. Ожаровского. В числе награжденных офицеров отряда был С. И. Муравьев-Апостол. За проявленную храбрость он получил золотую шпагу. За храбрость в сражении при Красном золотой шпагой награжден А. Н. Раевский.

Наконец, Отечественная война была закончена. Начались бои за освобождение Европы от наполеоновского ига, и в них, как прежде за свободу горячей любимой родины, героически сражались многие декабристы. Под Кульмом были тяжело ранены М. И. Муравьев-Апостол и В. Л. Давыдов, редкую храбрость проявил С. П. Трубецкой.

Русские войска освобождали Германию. 4—7 (16—19) октября 1813 г. происходит «битва народов», круп-

¹ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Смоленск, 1946. с. 35.

² Там же, с. 22.

нейшее сражение под Лейпцигом. В этом бою тяжело был ранен в грудь генерал Раевский. Но он остался в строю. Очевидец событий, поэт К. Н. Батюшков, бывший его адъютант, рассказывал: «В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, и благородная осанка его поистине делается величественною». За битву под Лейпцигом Раевскому был присвоен чин генерала от кавалерии.

В сражении под Лейпцигом участвовали Лунин, Якушкин, Волконский и Пестель. В «битве народов» были ранены М. И. Муравьев-Апостол, В. Л. Давыдов, С. П. Трубецкой. За особую доблесть стал капитаном С. И. Муравьев-Апостол.

В марте 1814 г. русские войска вступили в Париж. Зная дипломатический талант М. Ф. Орлова, командование поручило ему вести переговоры с французами о капитуляции Парижа. Вскоре был подписан акт о капитуляции французской столицы. Наступил долгожданный конец войны с Францией.

Русские войска возвращались на родину. Пушкин описал это славное время в повести «Метель». «Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу... Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! Как сладки были слезы свидания!»

Пушкин и его лицейские товарищи с волнением и глубоким интересом следили за происходящим. Вдохновенное обращение профессора нравственных и политических наук А. П. Куницына к воспитанникам в день открытия Лицея — «Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями!» — не пропало даром. Военные события, — вспоминал будущий декабрист и друг Пушкина И. И. Пущин: «...сильно отразились на нашем детстве... Всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил релянции (донесения о действиях войск. — *Н. Л.*); Кошанский (профессор русской и латинской словесности — *Н. Л.*) читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов: читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях; всею живо

сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему»¹.

Юные патриоты следили за движением гвардейских полков, которые шли сражаться за родину мимо Лицея по почтовому тракту к Москве. «...Мы всегда были тут, при их появлении выходили даже во время классов, напутствовали воинов... обнимались с родными и знакомыми — усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита»².

Патриотизм лицеистов был так горяч, вспоминал сын директора Лицея И. В. Малиновский, что «после провода одной из ратей воспитанники до того одушевились... что, готовясь к французской лекции, побросали грамматику под лавки, под столы».

В «Воспоминаниях в Царском Селе» с грустью рассказывает взволнованный Пушкин о родных краях Москвы, погранных врагом:

И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!

Юный Пушкин искренно сожалел, что не участвовал в военных сражениях:

И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Страстно мечтали попасть в армию ближайшие друзья поэта, И. Малиновский и будущий декабрист В. Кюхельбекер.

В своей торжественной оде 15-летний поэт выразил патриотическое воодушевление лицейских товарищей и всего русского народа, совершившего великий подвиг:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

Победа была одержана. «...Какое взамен слез пошло у нас общее ликование, когда французы двинулись из Москвы!» — вспоминал лицейский товарищ Пушкина. Русские войска освободили свое Отечество и поработившую Наполеоном Европу, искупили своей кровью «Европы вольность, честь и мир...».

¹ Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 52—53.

² Там же.

ПУШКИН И ГЕРОИ 14 ДЕКАБРЯ

В 1814 г. русские воины возвращались на родину. Но дома солдаты-победители снова попадали в крепостную неволю. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине». Социальная несправедливость служила мощным толчком, вызывавшим всеобщее недовольство. «Жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол, — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство», — вспоминал позже декабрист М. А. Фонвизин.

Недовольство охватило и армию, солдат и офицеров, роптавших на непомерную строгость, на то, что «душу вколачивать в пятки правилом было тогда» (Н. А. Некрасов. «Дедушка»). Особое негодование в русском обществе вызывало насильственное введение военных поселений.

В этой общественной атмосфере начали возникать тайные общества будущих декабристов. Самым ранним из них был «Союз спасения», основанный в феврале 1816 г. 24-летним полковником генерального штаба А. Н. Муравьевым. «Трудиться для блага России» — так кратко сформулировал высокопатриотическую цель общества один из его участников И. Д. Якушкин¹. «Первые члены тайного общества были большей частью военные, про-

¹ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 11.

шедшие победоносно всю Европу до Парижа». Через два года в 1818 г. его заменило новое общество «Союз благоденствия». При нем существовали различные филиалы, в том числе и литературные («Зеленая лампа»).

Пушкин, как и многие передовые русские люди, не был членом тайных обществ, но и не принадлежал к ним, жил в их «жгучей и вулканической атмосфере». Он, безусловно, разделял и широко распространял декабристские идеи своими смелыми политическими стихами. С декабристами были связаны годы юности поэта, его петербургской жизни и долгой ссылки за священные для них идеалы. Среди членов тайных организаций было много его знакомых и близких друзей как в Петербурге, так и на юге, в Кишиневе, Каменке и Одессе. Эти связи возникли еще в лицейскую пору.

В Царском Селе и Павловске были размещены офицеры лейб-гвардии гусарского полка, возвратившегося из военного похода. На их дружеских сходках господствовал вольнолюбивый дух. Здесь часто бывал и лицеист Пушкин. Он сдружился с офицерами П. Я. Чаадаевым и П. П. Кавериним, вошедшими позже в «Союз благоденствия», и Н. Н. Раевским-младшим.

Вольнолюбивый дух Лицея рано начал привлекать к себе внимание будущих декабристов. В 1814 г. Лицей посетил Н. Муравьев, а в 1815 г. — Пестель. Бурцов считал, что «по мнениям и убеждениям», вынесенным Пушиным из Лицея, он «готов для дела»¹. Летом 1817 г. «первый друг» Пушкина был принят в «Союз спасения».

В это время Пушкин отдыхал в имении матери, селе Михайловском. Вернувшись в Петербург, он с головой окунулся в современную кипучую жизнь. В светских салонах и гостиных Пушкин был частым собеседником декабристов. В 1817 г. и позже до ссылки на юг Пушкин бывал в гостинной петербургской знакомой, княгини Е. И. Голицыной, отличавшейся патриотическими взглядами. В 1819 г. Пушкин подарил Голицыной свою оду «Вольность» с сопроводительными, посвященными ей стихами. Среди ее гостей Пушкин встречал «красавца и богатыря» М. Ф. Орлова. В салоне президента академии художеств А. Н. Оленина поэт познакомился с юным гвардейским офицером М. П. Бестужевым-Рюминым.

¹ См.: Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 69.

С первого взгляда запоминалось его полное ума лицо и живые черные глаза. После восстания Семеновского полка (1820 г.) он был переведен из гвардии в армию. Позже Бестужев-Рюмин — видный деятель Южного общества.

В петербургском обществе у Е. Ф. Муравьевой, матери Н. Муравьева, у Олениных и Карамзиных Пушкин видел и молодого С. И. Муравьева-Апостола, будущего руководителя Южного общества. Сергей Иванович был остроумным собеседником, любил петь и танцевать. Одна из современниц рассказывала о нем: «обыкновенно он был серьезен и более молчалив, но когда говорил, то лицо его оживлялось, глаза блестели, и в те минуты он был истинно прекрасен»¹. У. П. Я. Чаадаева поэт познакомился с человеком пламенной души И. Д. Якушкиным.

Чаще всего поэт посещал дом своих старших друзей братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, у которых собиралась свободолобиво настроенная молодежь. Старший из братьев, А. И. Тургенев, помогал в 1811 г. устроить мальчика-Пушкина в Лицей. Позднее хлопотал перед министром иностранных дел К. В. Нессельроде о переводе ссыльного поэта из Кишинева в Одессу, на его долю, наконец, выпал печальный долг проводить в последний путь гроб с телом Пушкина в Святогорский монастырь. Блестяще образованный человек, Тургенев был знаком «со всеми знаменитостями Европы». Большую услугу оказал он русской исторической науке. Находясь за границей, он выписывал сведения о России из древних документов в архивах Франции и Италии.

Младшего Н. И. Тургенева в обществе называли «хромой Тургенев». Хромота его была следствием перенесенной в детстве болезни. С юных лет стал он непримиримым противником крепостного права. Положение русских крепостных крестьян молодой Тургенев сравнивал с положением невольников в Древней Греции. Н. Тургенев окончил Московский, а потом и Геттингенский университет, где его товарищами были будущие лицейские учителя Пушкина: А. П. Куницын, А. И. Галич, И. К. Кайданов и Я. И. Карцев, посланные летом 1808 г. Министерством просвещения в Германию для подготовки к профессорской деятельности.

¹ Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970, с. 11.

Удовольствия светской петербургской жизни мало привлекали Николая Ивановича, постоянно занятого научными трудами. Это был видный политический деятель, крупный ученый — экономист, автор книги «Опыт теории налогов» (СПб., 1818). В ней он, по его словам, «пользовался всякой представлявшейся ему возможностью для нападения, с государственной и финансовой точки зрения, на крепостное право...», писал о пагубном влиянии крепостничества на экономическое развитие страны. Книга имела большой успех и в 1819 г. была переиздана. Деньги, вырученные за ее продажу, автор передал в пользу крестьян, заключенных в тюрьму за неуплаченные в срок налоги.

Уничтожение рабства крестьян было целью жизни автора. «Я умер бы спокойно, — читаем его дневниковую запись, — если бы умер, зная, что нет ни одного крепостного человека в России».

Н. И. Тургенев — член «Союза благоденствия» и один из крупнейших деятелей Северного общества. Современники отмечали покоряющую властность и превосходство Тургенева, внушавшие преданность ему. К. Ф. Рылеев говорил о нем, как о постоянном участнике собраний общества и кандидате в революционное временное правительство. Особенно сильное влияние Н. Тургенев оказал на Пушкина. Он стал политическим наставником молодого поэта. Пушкин высоко ценил «просвещение истинное и положительные познания» своего старшего друга.

В доме Тургенева поэт оказался в среде вольнолюбиво настроенных молодых людей. Он жадно вслушивался в их разговоры. Декабристы хотели видеть в молодом поэте выразителя своих идей, певца декабристского движения. «Мне опять пишут о Пушкине, как о развортываемом таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и, вместо оплакиваний самого себя, пусть первая песнь его будет: Свободе». Такую запись 1 декабря 1817 г. сделал в своем дневнике брат Александра и Николая Тургеневых Сергей Иванович, чиновник дипломатической службы, близкий к декабристам. Именно у Тургеневых в 1817 г. Пушкин начал писать оду «Вольность».

Спустя много лет после создания «Вольности» Н. Тургенев сообщал в письме пушкинисту П. И. Бартеневу (май 1867 г.) об истории создания оды: Пушкин «в по-

ловине сочинил «Вольность» в его комнате, «ночью закончил» и на следующий день принес ему законченное стихотворение.

Дом Тургеневых находился напротив Михайловского дворца, позже Инженерного, который был резиденцией Павла I. Подозрительный, терзаемый страхом царь только в нем чувствовал себя в безопасности. Дворец представлял собой своеобразную крепость, окруженную рвом с водой, с подъемными мостами и охраной. 11 марта 1801 г. здесь был задушен Павел. С той поры в нем никто не жил. «Забвенью брошенный дворец» был для Пушкина мрачным символом русского самодержавия.

Ода Пушкина удивительно точно и смело выражала ранние декабристские идеи хозяина дома и его гостей, те политические разговоры у Тургеневых, которые слышал и разделял поэт. С гневом обрушивается молодой Пушкин на деспотизм и рабство:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы...

и воспевает закон, ограничивающий самодержавие:

Лишь там над царскою главой
Народов не легко страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...

И царь и народ должны подчиняться закону. Таковы были декабристские идеи. Стихи пушкинской оды созвучны дневниковой записи Н. Тургенева, сделанной 29 июля 1818 г.: «...власть ненадежна, когда она должна быть вверяема... людям, а не законам..»¹. Позже, отвечая на вопрос Верховного Уголовного Суда, в чем заключалось намерение тайного общества, Пущин говорил: «Цель общества была — обуздание законами власти правительства».

Мысль о том, что самовластие царя необходимо ограничить законом, декабристы пытались распространить и в народе. С этой целью в 1820 г. декабрист Никита Муравьев написал в форме вопросов и ответов «Любопытный разговор», где на вопрос, есть ли самодержавные го-

¹ Декабристы рассказывают. М., 1975, с. 51.

судари в других странах, следовал отрицательный ответ. «Везде самодержавие считают безумием, беззаконием, везде постановлены непреременные правила или законы»¹, ограничивающие право царя делать все, что он захочет.

Пушкин любил посещать Н. И. Тургенева. Однажды, гуляя в Летнем саду, Пушкин зашел к Н. И. Тургеневу в тот момент, когда у него собрались участники создаваемого им политического журнала, и неожиданно встретил здесь лицейского друга Пущина. «Мы сидели кругом большого стола, — рассказывал Пушин. — ...Я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь — Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле», — шепнул он мне на ухо и прошел дальше... «Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе?.. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже!»².

В Петербурге углубились дружеские связи поэта с Чаадаевым. Оппозиционно настроенный, блестяще образованный офицер, участник войны 12 года, человек острого скептического и философского склада ума, он все больше привлекал к себе Пушкина. Поэту нравились его смелые политические обличения «власти роковой», и он разделял их. В кабинете Чаадаева друзья спорили, иногда вместе читали. После одной из их дружеских бесед было написано пушкинское послание «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), наиболее революционное из политической лирики тех лет. Их сердечная привязанность была взаимной. Чаадаев уже тогда видел в молодом Пушкине замечательного поэта и стремился своим заступничеством облегчить его участь в пору гонения за политические стихи.

В Кишиневе во время разлуки с Чаадаевым Пушкин признавался:

Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства — может быть, спасенные тобою!

¹ Декабристы рассказывают. М., 1975, с. 92.

² Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 72.

В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой...
(«Чаадаеву»)

И в том же 1821 г. в кишиневском дневнике напишет: «Друг мой... никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье». Пушкин гордился дружбой с Чаадаевым и мечтал снова встретиться с ним, вспомнить их прежние беседы и пророческие споры.

В послании содержится беглая, но чрезвычайно выразительная зарисовка друга:

Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.

Через все годы своей ссылки Пушкин пронес трогательную признательность Чаадаеву. Живя в Михайловском, он присил брата прислать ему портрет друга.

Со своими друзьями, будущими декабристами, Пушкин встречается на заседаниях литературных и театральных обществ. Еще в стенах Лицея Пушкин был единомышленником передовых и талантливых писателей из литературного общества «Арзамас». В Петербурге эти связи еще более крепнут. «Арзамас» противостоял литературным староверам «Беседы» во главе с адмиралом и писателем А. С. Шишковым. Пушкин, еще будучи лицеистом, принимал участие в борьбе этих обществ. Шишкова и двух других представителей «Беседы», Шихматова¹ и Шаховского², он осмеял в уничтожающей эпиграмме «Угрюмых тройка есть певцов...» (1815).

По окончании Лицея Пушкин был официально принят в «Арзамас». В арзамасских протоколах появляется его шутовское прозвище «Сверчок». В 1817 г. на заседаниях общества он встречался с вступившими в «Арзамас» декабристами Н. М. Муравьевым, М. Ф. Орловым и Н. И. Тургеневым. С их приходом на заседаниях стали звучать речи на политические темы или вестись разгово-

¹ С. А. Ширинский-Шихматов — русский поэт, член «Беседы любителей русского слова».

² А. А. Шаховской — русский драматург, член «Беседы».

ры о высокой гражданской цели общества, «достойной дарований и любви к русской стране арзамасцев». Попытки декабристов придать обществу политический характер не увенчались успехом, большинство участников «Арзамаса» было с этим не согласно.

В 1819 г. Пушкин становится членом литературного и театрального общества «Зеленая лампа», филлала «Союза благоденствия». Свое название оно получило «по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались... Девиз общества состоял из слов «Свет и Надежда». Председателем общества был Яков Толстой, участник Отечественной войны и член «Союза благоденствия». Многие ламписты — будущие декабристы (С. Трубецкой, Ф. Глинка). С горячим интересом обсуждали они не только стихи и театральные новинки, но и политические проблемы, свободно говорили «насчет глупца, вельможи злого, насчет холопа записного, насчет небесного царя, а иногда насчет земного» („N.N.” — В. В. Энгельгардту¹). По субботам в доме основателя «Зеленой лампы» Н. Всеволожского, где собиралось общество, устраивались веселые пирушки. К друзьям-лампистам обращены стихи Пушкина:

Здорово, рышари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.
(«Юрьеву»²)

В Петербурге Пушкин присутствовал на собраниях ранних декабристских организаций у «умного и пылкого» Н. М. Муравьева, сына писателя и деятеля народного просвещения, того мальчика, который в 1812 г. тайком убежал от родных в армию М. И. Кутузова.

В юные годы он удивлял знакомых блестящими способностями и знаниями древней истории и языков: французского, английского, немецкого, латыни и греческого. Декабрист М. С. Лунин говорил о нем: «Этот человек один стоил целой академии». Он отличался пылким и решительным характером и пламенным патриотизмом.

¹ В. В. Энгельгардт — член общества «Зеленая лампа».

² Ф. Ф. Юрьев — член общества «Зеленая лампа».

Н. М. Муравьев — участник военных походов (1813—1814 гг.), сражался за освобождение Германии под Дрезденом и Лейпцигом, был членом «Союза благоденствия» и Верховной думы Северного общества. Им написан проект Конституции. О собраниях у Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова Пушкин рассказал в X главе «Евгения Онегина». В этой главе, как и в дружеских посланиях к декабристам, в автобиографических записях и письмах поэта, мы встречаем, хотя и беглые, но точные и выразительные портретные зарисовки героев 14 декабря:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Современники отмечали «разговорчивость» декабристов, их постоянное стремление быть понятыми, выразить передовые мысли и чувства, которыми они жили, а «также резкость и прямоту их суждений». Пушкинская харак-

Н. М. Муравьев.
Художник
П. Ф. Соколов.
1817 г.

теристика этих собраний с их впечатляющей чертой — резким витийством (красноречием) воскрешает существенную и самую примечательную их особенность. На фоне общей атмосферы политических споров, борьбы идей, диспутов в том же сжатом, но метком и выразительном стиле даны портреты деятелей ранних тайных обществ. Среди них упомянут и И. А. Долгоруков. Пушкин не случайно называет его «осторожным». Он был против царубийства и разошелся в этом с декабристами. В 1820 г. Долгоруков отошел от тайного общества и в восстании 14 декабря участия не принимал.

На этих сходках Пушкин встречался с М. С. Луниным, одним из стойких борцов, преданным до последнего дыхания чистым и высоким идеалам 14 декабря. Лунин был известным оригиналом и остроловом. Очень добрый по характеру, он тем не менее еще в конце 1816 г. предлагал убить царя на Царскосельской дороге, где тот ездил без большой охраны.

М. С. Лунин.
Акварель
декабриста
Н. А. Бестужева.
1836 г.

Пушкин рассказывает о нем:

Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.

(«Евгений Онегин», X гл.)

Сохранилась поэтическая характеристика Лунина, сделанная его сестрой Е. С. Уваровой, принимавшей большое участие в судьбе брата. Вот как говорит она о всесторонней одаренности Лунина: «Молодая душа была благородна, нежна и горда. Лицо было красиво, внушительно и строго; манера говорить была краткая и резкая, ум — глубокий и живой».

Манера говорить, отмеченная Уваровой, отражена и Пушкиным в образе Лунина в черновых набросках X главы, где находим такие стихи: «Им резко Лунин предлагал» и «Тут Лунин резкий предлагал».

В сибирской ссылке он «опять начал действия наступательные»: в письмах к сестре, своему близкому другу, он по-прежнему обличал самодержавие и крепостное право. О себе самом Лунин писал: «Меня называют в официальных бумагах: государственный преступник, находящийся на поселении. В Англии сказали бы: Лунин — член оппозиции».

Письма эти читали, переписывали и распространяли товарищи Лунина по ссылке, читали их и в «Третьем отделении» полиции, через которое проходила переписка декабристов. Попали в «Третье отделение» и резкий критический отзыв Лунина на «Донесение следственной комиссии» по делу декабристов, и, наконец, в 1841 г. рукопись его сочинения «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 г.». Кара не замедлила наступить. Лунина отправили за Байкал в самую страшную тюрьму для уголовных преступников в Акатуе. Изредка ему удавалось посылать письма Волконским, в одном из них он писал, что «погружен во мрак, лишен воздуха, пространства и пищи, окружен разбойниками, убийцами и фальшивомонетчиками».

На тайных «сходках» Пушкин видел и капитана И. Д. Якушкина:

Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

(«Евгений Онегин», X гл.)

Примечательно было его выразительное лицо: острый с горбом нос, «темные, быстрые глаза; улыбающийся красивый рот его обрамлялся сверху черными усами, а снизу маленькой... эспаньолкой»¹ (короткой остроконечной бородкой). Здоровье его было сильно подорвано войной 1812 г. В одном из походов он заболел лихорадкой, от которой не мог спастись до конца жизни. Расстроенное здоровье не мешало, однако, его природной смелости и решительности. Он заявлял, что считает за честь совершить цареубийство. Якушкин «хотел взять два пистолета (тогдашние пистолеты заряжались только на один выстрел), пойти в Успенский собор, где должен был присутствовать император, из одного пистолета убить его, а из другого себя: цареубийство должно было походить на дворянскую дуэль»².

¹ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 495.

² Нечкина М. В. Декабристы. М., 1975, с. 31.

И. Д. Якушкин.
Акварель
Н. И. Уткина.
1816 г.

Пушкин как очевидец поэтически засвидетельствовал не только свое присутствие на этих сходках, но и то, что читал декабристам свои нозли (сатирические песни):

Читал свои нозли Пушкин...

Фактическая точность пушкинского признания подтверждается показанием на следствии члена «Союза благоденствия» И. Н. Горсткина, который встречался с поэтом на «сходках» у И. Долгорукова, где «Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой».

В доме Муравьева бывал и Тургенев:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

(«Евгений Онегин», X гл.)

Н. И. Тургенев, страстный противник крепостничества, написал записку «Нечто о крепостном состоянии» (1819), пытаясь убедить царя в гнусности и экономической невыгодности крепостного права, в преступлении помещиков.

Безусловное влияние Н. Тургенева сказалось во взгляде Пушкина на деревню. В широкую панораму прекрасной природы, лугов, холмов и озер в стихотворении «Деревня» поэт вписал барство дикое, присвоившее себе «и труд, и собственность, и время земледельца», и с горечью и гневом рассказал о подневольной жизни русского крестьянина-раба.

Н. Тургенев, вдохновивший Пушкина на создание «Деревни», боялся, как и все декабристы, революционных выступлений народа. Он считал, что освобождение крестьян в России может быть успешно проведено только с помощью царя. В заключительных строках «Деревни» Пушкина выражается та же несбыточная мечта:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

(«Деревня»)

«Деревня» распространялась в рукописных списках, приобретая еще большую политическую остроту. Вполне

легальные заключительные стихи получали другие варианты:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство падшее и падшего царя,
И над Отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

15 марта 1818 г., выступая на открытии первого польского сейма, царь обещал дать конституцию России. Как только весть о царских обещаниях дошла до Петербурга, Пушкин мгновенно откликнулся на нее нозлем (рождественской песенкой) «Сказки». Его распевали повсюду, чуть не на улицах. Пушкин называл в нем царя «кочующим деспотом», а его обещания русскому народу «сказками».

Родиной нозлей была Франция. Используя форму французских сатирических куплетов, Пушкин наполнил ее злободневным для России политическим содержанием. В нем — прозрачные намеки на руководящую деятельность русского царя в реакционном священном союзе (Россия, Австрия и Пруссия):

И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

Стихотворение выражает взгляды декабристов на реакционную сущность самодержавия. Оно пронизано русским национальным колоритом. Своеобразие пушкинского нозля в употреблении просторечной лексики:

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает...

Выражение: «Не плачь, дитя, не плачь, сударь: Вот бука, бука — русский царь!» — кажется взятым из разговорного обихода крепостных нянек. В подлинно народном духе Пушкин беспощадно клеймит в разящих эпитаграммах важных государственных сановников. Он пишет эпитаграмму на Аракчеева, «без лести преданного» царю, создателя военных поселений, председателя Государственного Совета («Всей России притеснитель...»). Сам народ пел о нем в песнях:

Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил.

Известны были эпиграммы Пушкина на реакционного публициста Стурдзу («Холоп венчанного солдата...», 1819), а также на министра просвещения Голицына, «губителя просвещения» и архимандрита Фотия («Полу-фанатик, полу-плут»), написанные позже.

Пушкин — «задолго до декабря» — литературный декабрист... — справедливо замечает Д. Д. Благой. — Отсюда и неслыханная дотоле «народность» — популярность его «возмутительных» политических стихов и эпиграмм¹. О широкой популярности политических стихотворений Пушкина хором говорили и друзья поэта, декабристы: «Кто из молодых людей... не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою»; «...тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его Деревня, Ода на свободу, Ура! В Россию скачет...»², «...не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть»³. Декабристы с восторгом читали политическую лирику Пушкина, они видели в нем смелого пропагандиста своих идей.

Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейским Пушкин⁴.

И в театральных креслах Пушкин смело выражал свое свободомыслие. Широко известны его разговоры в театре. О медвежонке, сорвавшемся с цепи в Царском Селе, который мог при встрече растерзать царя, Пушкин говорил: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!»⁵.

13 февраля 1820 г. французский рабочий Пьер Лувель, ненавидящий реакционную политику Бурбонов, королей Франции, убил герцога Беррийского, племянника короля Людовика XVIII. За убийством последовала

¹ Благой Д. Д. Великий гражданин великого народа. — В кн.: Душа в заветной лире. М., 1977, с. 274.

² Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 70.

³ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 41.

⁴ Глинка Ф. Н. Стихи о бывшем Семеновском полку. — Поэзия декабристов. Л., 1950, с. 602.

⁵ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 70.

казнь Лувеля. После распространения вести об этом Пушкин показывал в театральных креслах портрет Лувеля с собственноручной надписью: «Урок царям!» В другой раз поэт говорил, что «теперь самое безопасное время», намекая на то, что в Петропавловскую крепость, отделенную от города рекой, не посадят: «по Неве идет лед»¹. Острые слова Пушкина переходили из уст в уста.

Над головою поэта собиралась гроза. Политические стихи Пушкина и его смелое поведение вызвали донос на поэта. Подосланному полицией шпиону Фогелю не удалось познакомиться с рукописями политических стихотворений Пушкина; верный дядька поэта Никита Козлов не показал бумаг своего барина. Узнав об этом визите, Пушкин сжег все рукописи своих политических стихотворений.

¹ Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 70.

М. Ф. Орлов.
Художник
Г. Ризенер.
1814 г.

Советы и заступничество друзей — Жуковского, Карамзина и Чаадаева — могли только смягчить кару, но не отклонить ее. Пушкина вызвали к военному губернатору Петербурга Милорадовичу. Федор Глинка, член «Союза благоденствия», служивший чиновником в канцелярии губернатора, советовал Пушкину: «Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения... он не употребит во зло вашей доверенности»¹. Благородное поведение Пушкина, исписавшего в канцелярии губернатора целую тетрадь своими политическими стихами и чужими, разошедшимися под его именем, «пленило» Милорадовича, и он от имени царя объявил прощение поэту. Но царь распорядился по-своему.

6 мая 1820 г. с преданным слугой Никитой Козловым Пушкин отправился в свою южную ссылку. По дороге в Екатеринослав (ныне Днепропетровск) к месту новой службы Пушкин заехал в Киев к своим друзьям Раевским. Пушкин мечтал о совместном путешествии с ними по Кавказу. В середине мая Пушкин приехал в Екатеринослав. Его новый начальник Иван Никитич Инзов, наместник края, с сердечной теплотой относился к опальному поэту. По просьбе генерала Н. Н. Раевского он дал согласие на участие поэта в путешествии с его семьей. По возвращении Пушкин прибыл в Кишинев, куда была переведена канцелярия Инзова. Обстоятельства жизни складывались так, что певец декабристского движения оказался в среде декабристов юга, более революционно настроенных, чем его петербургские друзья.

Начальником дивизии в Кишиневе был М. Ф. Орлов — петербургский приятель Пушкина, член «Союза благоденствия» и видный деятель Кишиневского отделения этого общества. Близко знавшие Орлова люди говорили о нем, как о человеке блестящего ума и образования. С большой похвалой отзывались о его душевных качествах, «истинном патриотизме, возвышенной чести и рыцарском благородстве». После окончания пансиона аббата Николая Орлов поступил в кавалергардский полк. В конце Отечественной войны 26 лет он был уже генерал-майором. «У него было в избытке все, что нужно для успехов в свете: молодость, знатность, богат-

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 207.

ство, расположение царя, открытый и смелый характер, прекрасная представительная наружность». Но за границей Орлов испытал сильное влияние своего друга Н. Тургенева, с которым у него установилась близкая связь. Вернувшись в Россию, он яснее увидел рабское, отсталое положение России и стал непримиримым противником существующих порядков, царившего административного произвола, казнокрадства и взяточничества. В 1815 г. он составил петицию об уничтожении крепостного права, собрал подписи под ней и отдал ее царю. Вскоре он был удален из Петербурга и назначен начальником штаба 4-го корпуса второй армии, которым командовал герой 1812 г. Н. Н. Раевский.

П. А. Вяземский писал по этому поводу: «Наше правительство не выбирать, а удалять людей умеет с мастерскою прозорливостью».

В письме к А. Н. Раевскому, старшему сыну генерала, который был человеком, близким Орлову, он признавался, что не удивлен тому, что с ним произошло, что останется ненужным до поры, пока не переменится внутренняя политика царя. «...Я чувствую довольно силы в самом себе, — писал он А. Раевскому, — чтобы служить не для карьеры, а из гражданского долга. Ведь чего я в сущности хочу? Несколько более широкой сферы деятельности, потому что я чувствую в себе больше способностей, чем могу применить в моей обстановке. Что ж! Я буду ждать, если нужно, и десять лет».

Он предвидел всеобщее крушение существующего строя, хотя и сомневался, что доживет до «зари того прекрасного дня».

На всех служебных постах Орлов развивал кипучую деятельность. Долго отклоняли его просьбы о назначении командиром дивизии. Наконец, он получил под свое начальство пехотную дивизию, находившуюся в Кишиневе.

По дороге из Киева к месту новой службы он заехал в Тульчин, где Пестель принял его в члены «Союза благоденствия».

В Кишиневе в его доме возобновилось дружеское общение генерала с Пушкиным. М. Ф. и Е. Н. Орловы жили широко и гостеприимно. Пушкин был частым гостем среди военной молодежи в доме Орловых. Е. Н. Орлова в переписке с братом Александром сообщает о поэте: «Он

очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно». В другом письме к брату она снова рассказывает о Пушкине: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах». Кишиневские знакомые знали о шумных дискуссиях за обедами у Орловых. Екатерина Николаевна писала брату: «У нас беспрестанно идут шумные споры — философские, политические, литературные и др.; мне слышно их из дальней комнаты». Строчки ее письма прекрасно комментируют пушкинский стих: «С Орловым спорю, мало пью». Е. Орлова сообщает о животрепещущих проблемах, волновавших поэта: «Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия». Так в письме жены декабриста дошли до нас пророческие предвидения поэта, занимавшие его великие идеи, которые в наше время утверждают во всем мире люди доброй воли...

На посту командира дивизии М. Ф. Орлов смело и настойчиво изменял обращение начальства с солдатами: отменил телесные наказания и предавал суду офицеров за битье солдат. В одном из приказов по дивизии он писал: «Я почитаю великим злодеем того офицера, который... употребляет вверенную ему власть на истязание солдат». Командиры читали приказы Орлова рядовым солдатам в ротах. В короткий срок побег из дивизии, бывшие до того частым явлением, значительно уменьшились. В приказах Орлов выражал за это благодарность солдатам. В своей дивизии в Кишиневе он создал школу взаимного обучения для солдат и юнкеров (воспитанников военного училища), во главе которой с 1821 г. стал член «Союза благоденствия» В. Ф. Раевский, «первый декабрист» и поэт. На своих занятиях он вел политическую пропаганду среди солдат.

С В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым, адъютантами М. Ф. Орлова, Пушкин общался в Кишиневе. Участники Отечественной войны, оба они были членами «Союза благоденствия», сторонниками самых решительных дей-

ствий. Реакционно настроенный писатель-мемуарист Ф. Ф. Вигель иронически замечал, что они «с жаром витийствовали» на вечерах Орлова. Высокими нравственными качествами отличался Охотников. В. Ф. Раевский рассказывал о нем: «Этот человек, получая несколько тысяч в год от отца, тратил на себя одно жалованье. Получаемые же деньги были принадлежностью бедных: все несчастные в Кишиневе знали его». Раевский даже завидовал тому, что друг значительно опередил его в нравственном совершенстве. Охотников умер в своей деревне от чахотки в 1824 г., не дожив до событий 14 декабря.

С Раевским у Пушкина были искренние дружеские отношения. Участник многих сражений Отечественной войны, он в 25 лет стал майором. Горячий патриот, Раевский оказывал влияние на творчество поэта. Он обращал его внимание на русскую историю, советуя брать оттуда свои сюжеты. Полагают, что не без влияния друзей-декабристов Пушкин написал в Кишиневе «Песнь о вещем Олеге».

В 1820 г. прокатилась волна революционных движений в Западной Европе. В январе 1820 г. ею была охвачена Испания, весной того же года — Италия (Неаполитанская революция), в августе 1820 — Португалия. «В течение 7 месяцев третья революция... Но все говорят, что в Португалии должно было ожидать того, что случилось», — отмечает в своем «Дневнике» 22 сентября 1820 г. Н. И. Тургенев. Члены «Союза благоденствия» с горячим интересом следили за происшествиями на Западе. «Орлов говорил в 1820 г., — записывает Пушкин, — революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона».

Революция в Испании завершилась провозглашением республики. Будущие декабристы восторженно встретили это событие. На глазах у Пушкина в Кишиневе готовилось освободительное движение Греции. В доме Орловых Пушкин познакомился с главой греческого восстания Александром Ипсиланти. Личность нового знакомого восхитила Пушкина. Позже он писал В. Л. Давыдову (март 1821 г.): «Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — и, мертвый или победитель, отныне он принадлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная участь».

В России тоже назревала революционная ситуация. В 1819 г. вспыхнуло Чугуевское восстание военных поселенцев на Украине. Осенью 1820 г. возникли волнения в Семеновском полку. Солдаты были возмущены жестокостью командира полка, аракчеевца Шварца. В это время декабристы избрали путь революционных действий. Они хотели провести в России революцию, подобную испанской. «Она (революция. — *Н. Л.*) не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одной армией без участия народа!»¹. «Революционеры-дворяне решили опереться не на массы народа, а непосредственно на войско, послушное слову командиров»². В конце 1820 г. они решили провести в Москве съезд «Союза благоденствия».

В ноябре 1820 г. вместе с Орловым, Охотниковым и Раевским Пушкин оказался в Каменке, имении Давыдовых, братьев генерала Раевского. Пушкин и позже бывал там. Усадьба Давыдовых «расположена на возвышенном берегу реки Тясмина, среди обширного сада, спускающегося к реке, и разделена дорогой на две части; в правой, если смотреть с реки, был «большой» дом, ныне не сохранившийся, в левой — флигель, для младших членов семьи, и несколько пониже «маленький серенький домик» с колонками — т. н. биллиардная, где внутри посредине стоял биллиард, а у стен книги. В некотором расстоянии от усадьбы берега Тясмина сближаются и образуют нависшие над рекою скалистые утесы, от которых и самое местечко получило свое название».

В имении жила мать Н. Н. Раевского и его сводные братья Давыдовы, тоже участники Отечественной войны. «Каменка в то время была большим, великолепным барским имением, с усадьбой на богатую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими» и т. д. Младший из Давыдовых, Василий Львович, был одним из видных деятелей Южного общества, председателем Каменской управы. В 1812 г. он был адъютантом Багратиона. Современники говорили о нем, как о начитанном и образованном человеке. Декабристы ценили его за увлекательные разговоры, в которых ярко проявлялись ораторские способности Давыдова.

¹ См.: Нечкина М. В. Пушкин и декабристы. М., 1949, с. 21.

² Там же, с. 19.

Пушкин, впервые посетивший Каменку, попал на съезд тайного общества. Свои совещания декабристы приурочивали к семейному празднику, именинам матери Е. Н. Раевской-Давыдовой. Для посторонних это было незаметно, потому что на праздник съезжалось много родных. Из Киева в этот раз приехал Н. Н. Раевский со своим старшим сыном Александром. Кроме друзей Раевских, Пушкин неожиданно для себя встретил здесь своего петербургского знакомого, декабриста И. Д. Якушкина, приехавшего пригласить Орлова на съезд «Союза благоденствия» в Москву. Поэт выбежал к нему с распростертыми объятиями. «Время мое, — писал Пушкин из Каменки поэту Н. И. Гнедичу, — протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами». Чтобы сбить с толку пронизательного А. Раевского, который догадывался о существовании тайного общества, де-

Пушкин в Каменке.
Художник М. В. Добужинский.
1924 г.

кабристы инсценировали заседание, на котором решался вопрос, нужно ли в России тайное общество. Вот как описано это в «Записках» Якушкина: «Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым, полуважным видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не просив у него на то дозволения, и т. д. ...Орлов... высказал все, что можно было сказать за и против тайного общества. В. Л. Давыдов и К. А. Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести тайное общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно.

Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: «Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?» — «Напротив, наверное бы присоединился», — отвечал он. «В таком случае давайте руку», — сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, все это только одна шутка...» Другие также смеялись, кроме А. Л. (Александра Львовича Давыдова. — *Н. Л.*)..., который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен»¹.

После того как члены тайного общества разъехались, Пушкин продолжал описывать свою жизнь в Каменке в письме поэту Н. И. Гнедичу: «Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь

¹ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 42—43.

умов оригинальных, людей известных в нашей России». В марте 1821 г. Пушкин покинул гостеприимную Каменку и вернулся в Кишинев. В послании к В. Л. Давыдову Пушкин вспоминал Каменку:

Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалаят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
(«В. Л. Давыдову»)

В последних стихах Пушкин намекает на революцию в Неаполе и итальянских карбонариев.

В апреле 1821 г. в Кишинев приехал полковник Пестель, посланный из штаба 2-й армии, чтобы собрать сведения о причинах греческого восстания и ходе его. Пестель отличался среди военных людей замечательным умом, твердой волей, редкой образованностью и красноречием. В его доме в Линцах, где он командовал вятским пехотным полком, была большая библиотека, много рукописей и карт. Главнокомандующий 2-й русской армии Витгенштейн, адъютантом которого во время заграничных походов был Пестель, говорил о нем: «Из полковых командиров Пестель у нас исключение; он на все годится, дай ему командовать армиею или сделай его каким хочешь министром, он везде будет на своем месте».

После распада «Союза благоденствия» он создал и возглавил Южное общество. Пестель проявлял наибольшую революционность. Он не только стоял за отмену крепостной зависимости крестьян, что объединяло всех декабристов, но и за ниспровержение царской власти и установление республики в России. Пушкин несколько раз встречался с Пестелем. Об одной из этих встреч, состоявшейся 9 апреля 1821 г., он сделал запись в своем кишиневском дневнике: «Утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова. «Сердцем я материалист, но мой разум этому противится». Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых

я знаю...». Вероятно, они говорили и о европейских революционных событиях. В показаниях по делу декабристов Пестель писал: «Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит — в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода...»

О неравной современной борьбе королей с народами говорил и Пушкин за обедом у Инзова. «Нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх!» — открыто заявлял поэт. Так зарождалась реалистическая мысль Пушкина о народе как решающей силе истории, отразившаяся позже в трагедии «Борис Годунов». Политические разговоры, которые постоянно вел Пушкин, смущали его начальника. Однажды, когда Инзов отправился на охоту, Пушкин, «...видя себя на просторе, начал с любимого своего текста о правительстве в России»¹ — записал в «Дневнике» князь П. И. Долгоруков, кишиневский знакомый поэта, присутствовавший при этом разговоре. «Наконец, — продолжает Долгоруков, — полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частию, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли».

В 1821 г. Пушкин вступил в масонскую ложу «Овидий»². Председателем ее был участник войны 1812 г., член «Союза благоденствия» генерал П. С. Пущин. Поэт посвятил ему стихотворение «Генералу Пущину». В нее входил декабрист В. Ф. Раевский. С такими участниками политический характер деятельности общества представляется несомненным. 1 августа 1822 г. появился указ правительства о закрытии всех масонских обществ. Позже Пушкин писал Жуковскому: «Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи».

В Кишиневе Пушкин создал самое революционное из своих стихотворений «Кинжал». Поэт прославляет кинжал как орудие возмездия тиранам, называет его тайным стражем свободы. Под влиянием республиканских идей, возбужденных в нем кишиневскими друзьями-де-

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 361.

² *Масонские ложи* — общества религиозно-благотворительного характера. Ложа «Овидий» — политическая организация.

кабристами, Пушкин обращается к древней истории Пскова и Новгорода, боровшихся за свою независимость и свободу. Известно начало его поэмы о защитнике народных прав и новгородской вольности, древнем республиканце Вадиме, поднявшем в 863 г. восстание против варяжского князя Рюрика. В 1822 г. Пушкин думал о драме на ту же тему. Позже, в отрывках X главы «Евгения Онегина» Пушкин рассказывал и о самом Южном обществе декабристов, наиболее революционном, упомянув Каменку и Тульчин и главных деятелей южан: Пестеля, генерала А. П. Юшневского и С. И. Муравьева-Апостола, который

И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

Эта, как и все другие пушкинские характеристики друзей-декабристов, отличается исторической точностью. Именно С. И. Муравьев-Апостол больше всех других южан проявлял горячее желание вопреки всему скорей начать восстание.

С декабристами юга Пушкин встречался также на контрактах (ежегодных ярмарках) в Киеве. После Отечественной войны 1812 г. в Киеве продолжал свою службу генерал Н. Н. Раевский. Среди множества гостей в доме Николая Николаевича на званых обедах, балах и вечерах бывали и видные декабристские деятели: М. Ф. Орлов, С. Г. Волконский, С. И. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин и др. В Киеве у Раевских постоянно бывал и общался с декабристами Пушкин. «Сам генерал был в гостиных до 10 часов вечера. С молодежью он держался любезно. После ухода хозяина продолжали веселиться. Здесь же нередко велись и серьезные разговоры политического характера»¹, спорили о литературе и искусстве. Николай Николаевич принимал большое участие в судьбе своего бывшего адъютанта Сергея Муравьева, попавшего в опалу после восстания Семеновского полка. Генерал безуспешно хлопотал о его переводе в свой корпус командиром полка. Позже, в 1823 г., в качестве адъютанта у Раевского стал служить будущий декабрист

¹ Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970, с. 62.

П. А. Муханов, сопровождавший его во время служебных поездок. С. Муравьев и Бестужев-Рюмин сблизились с Мухановым в конце 1823 г. у Раевских, и он был принят в тайное общество.

1822 год был тревожным в Кишиневе. Военное начальство узнало о политической пропаганде В. Ф. Раевского среди солдат. Командир корпуса, в состав которого входила дивизия Орлова, приехал к Инзову и стал убеждать его арестовать Раевского. Этот разговор случайно подслушал Пушкин и, взволнованный, тотчас пошел к другу и пересказал все, что слышал. Пушкин хотел облегчить его участь и помог ему избавиться от бумаг,отягающих положение. Раевский их сжег, а на следующее утро, 6 февраля 1822 г., был арестован и отправлен в Тираспольскую крепость. Из заточения он адресует к кишиневским друзьям свои стихотворения. Одно из них так и называется «К друзьям в Кишинев» и содержит строки, обращенные к Пушкину, которому автор как бы завещает свою лиру:

Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа;
.....
Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой¹.

А дальше следовали стихи большой обличительной силы, особенно восхитившие Пушкина. В них говорилось о мысли, которая карается казнью:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор — казнит на плахе.

Прочитав эти стихи, Пушкин воскликнул: «Как это хорошо! Как это сильно! Мысль эта мне нигде не встречалась». Он захотел откликнуться на это послание Раевского и начал писать стихотворение, которое не закончил:

¹ Раевский В. Ф. Полное собрание стихотворений. М. — Л., 1967, с. 154.

Недаром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.
(«В. Ф. Раевскому»)

Кроме этого незавершенного стихотворения, известны его послания к В. Ф. Раевскому «Не тем горжусь я, мой певец» и «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел».

Подавление революций на Западе поколебало в это время веру Пушкина в успех революционного движения. Последние строфы его послания «Ты прав, мой друг...» окрашены мрачным настроением. Стихи Пушкина, адресованные Раевскому, остались в рукописях поэта и до «первого декабриста» не дошли. Современники рассказывали, что Пушкин часто вспоминал о Раевском и с большим участием расспрашивал о нем.

Много лет провел Раевский в разных казематах. В стихотворении «К дочери» он писал: «Шесть лет тем-

С. Г. Волконский.
Миниатюра
Ж. Б. Изобе.
1814 г.

ничною заразою дышал». На следствии Раевский с гордостью сказал своим судьям: «Если патриотизм есть преступление, — я преступник!..»

На многочисленных допросах Раевский никого из членов тайного общества не выдал, а после 14 декабря, в 1827 г. он был сослан в Сибирь, где провел 20 лет.

В 1823 г. деятельность «Священного союза» в Европе привела к торжеству реакции. Еще в 1821 г. австрийские войска разгромили неаполитанскую революцию. Летом 1823 г. та же участь постигла революцию в Испании. Французские интервенты захватили Мадрид, а глава восставших Риего был повешен.

Декабристы Южного общества обсуждали это событие. «Во весь рост стал перед декабристами вопрос об участии в движении народных масс, без активности которых оказывается непрочным результат революции...

Новой тактики декабристы не выработали. Но глубочайшее раздумье над значением массового движения и сомнение в правильности выбранной тактики занимали членов Южного общества. Перед некоторыми из них роль народа в революционном движении начинает вырисовываться много яснее, чем раньше»¹.

1823 год был поворотным и в жизни Пушкина. Летом опального поэта перевели на службу в канцелярию новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова. Из Кишинева Пушкин переехал в Одессу. Ко времени пребывания поэта в Одессе (июнь 1824 г.) относится его сближение с одним из руководителей Южного общества С. Г. Волконским, героем 1812 г., участником 58 сражений. В 24 года С. Г. Волконский получил чин генерал-майора и был отмечен множеством наград.

В 1819 г. Волконский, взяв бессрочный отпуск, приехал в Киев на ежегодную ярмарку и остановился у своего друга М. Ф. Орлова. В его доме царила атмосфера образованности и передовых идей. Волконский провел в Киеве несколько недель, определивших его дальнейшую судьбу. Общение с Орловым и его окружением оказало на него сильное влияние, развило в нем гражданские чувства, и он «вступил в новую колею убеждений и действий. С этого времени началась для меня, — читаем в его «Записках декабриста», — новая жизнь».

¹ Нечкина М. В. Пушкин и декабристы. М., 1949, с. 25.

С Орловым связано устройство не только общественной, но и личной жизни Волконского. Сергей Григорьевич давно любил М. Н. Раевскую и только в конце 1824 г. через Орлова посватался к ней. Шафером новобрачных был декабрист Пестель. Перед свадьбой он взял с Волконского клятву верности тайному обществу. Свою клятву декабрист Волконский с честью сдержал. По утверждению его внука, Волконскому поручили принять Пушкина в тайное общество, но он от этого воздержался, щадя великий талант поэта.

Пушкин не мог долго оставаться на службе у «придворного хама» и «вандала», как он аттестовал Воронцова. За одесской последовала михайловская ссылка.

И «во мраке заточенья», вдали от будущих декабристов, Пушкин был связан живой перепиской с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым.

В Михайловском впервые за многие годы Пушкин испытал неожиданную радость. 11 января 1825 г. к нему

И. И. Пущин.
*Литография
с оригинала
Д. М. Соболевского.
1825 г.*

приехал самый близкий и любимый лицейский друг И. И. Пущин. Их дружба началась с лицейского соседства. Комнаты друзей были рядом (Пушкин жил в комнате № 14, а Пущин в № 13) и отделялись перегородкой, не доходящей до потолка. В трудных случаях жизни, во время огорчений, ссор с товарищами, Пушкин переговаривался по ночам с Жанно, как звали Пущина в Лицее, прося его советов и твердо рассчитывая на его поддержку. Пущин «всегда был доступен каждому, кто искал человеческой доброты, сочувствия и помощи». «Со светлым умом, с чистой душою, с самыми благородными намерениями», он был «любимцем всех товарищей». Рассудительность, открытый и общительный характер Пущина навсегда покорили поэта:

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку.
(«Пирующие студенты»)

Когда Пущин узнал, что поэт в изгнании, он решил непременно навестить его. А. И. Тургенев, видевший Пущина в Москве, отговаривал его от этой поездки: «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — и полицейским и духовным?» — «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки, в теперешнем его положении...»¹.

Это свидание осталось в памяти друзей как самое дорогое воспоминание их жизни. «Свернули мы, наконец, с дороги в сторону, — читаем в «Записках» Пущина, — мчались среди леса по гористому проселку — все мне казалось не довольно скоро!.. Кони несут среди сугробов... и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками... Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужа-

¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 77.

ется. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим!... Накопец, пробила слеза...»¹.

Няня Арина Родионовна бросилась обнимать Пушкина. Пушкин, как дитя, был рад его приезду и все повторял, что ему не верится, что они вместе. Пущин обрадовал поэта неожиданным подарком: он привез ему «Горе от ума» Грибоедова. Пушкин начал читать комедию вслух. Чтение нарушил настоятель Святогорского монастыря, под наблюдением которого находился ссыльный поэт. Скоро он оставил друзей. Но время не стояло, было уже за полночь. «Нам подали закусить... Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы... чокнулись стаканами, но грустно пилоь: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечой в руке. Кони рванули под гору. Понеслось: «Прощай, друг!»².

В беседе с Пушиным подтвердилось предчувствие поэта, что в России существует тайное общество. «Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить...» Молча, я крепко расцеловал его...»³.

Пущин рассказал другу о себе: как в 1823 г. он оставил военную службу и из блестящего гвардейского офицера превратился в скромного судью, стал служить в Москве. Он сделал свой новый служебный выбор, чтобы искоренять взятки в суде и защищать бесправный народ.

Ты, осятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.
(«19 октября». *Рукописная редакция*)

¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 77—78.

² Там же, с. 84.

³ Там же, с. 81—82.

Новый сан друга оказался по сердцу поэту. Он гордился Пушиным. Свидание друзей в Михайловском было последним в их жизни. Пушкин дважды рассказал об этом памятном дне в стихах:

Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.
(«19 октября»)

И через год, направляя послание к другу в сибирское заточение, благодарный Пушкин снова вспоминал их встречу 11 января 1825 г.:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
(«И. И. Пущину»)

В. К. Кюхельбекер.
Акварель
неизвестного
художника
XIX в.

Пушкин по просьбе друга рассказал ему «про всех наших первокурсных Лицея»¹. Много говорили о Кюхельбекере. Пушкин горячо, по-братски, любил Кюхельбекера, но подсмеивался над ним еще в Лицее. Лицеистам казались смешными и его внешность, и поэтические опыты, и сама фамилия. Они прозвали его — Кюхля. Одним ухом он не слышал. Этот высокий и худой мальчик, с выпуклыми, будто выпученными глазами, с чуть кривившимся ртом, был вспыльчив и крайне рассеян, но добр и отзывчив. Он всегда стремился на помощь к товарищу, попавшему в беду, неся ему утешение. Еще в Лицее он бледнел на уроках истории, слушая рассказы об античных героях-свободолюбцах. Он мечтал, подобно им, погибнуть, сражаясь за свободу. Кюхельбекер хорошо учился, был широко начитан, лучше всех знал немецкую литературу.

В поэзии он прежде всего ценил мысли, содержание и был беспощаден к пустым, но гладким стихам. Сознательно отрекался он от легкости и правильности, воевал с авторитетами. Тяжелые, архаические стихи Кюхельбекера вызывали откровенные насмешки товарищей. Лицейские поэты и Пушкин писали на него эпиграммы. В стихотворении «Пирующие студенты», где с удивительной портретной точностью рассказано о лицейских братьях, в последних стихах поэт называет Кюхельбекера:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Кюхельбекер отличался редкой незлобивостью. Он преклонялся перед поэтическим талантом Пушкина, был его преданным, любящим другом. И Пушкин платил ему неизменной любовью, несмотря на частые ссоры. В письмах из ссылки Пушкин постоянно спрашивает о нем, кланяется ему. «Что мой Кюхля, — спрашивает он Вяземского, — за которого я стражду, но все люблю?». «...Ах, боже мой, что-то с ним делается — судьба его меня беспокоит до крайности...» Имя Кюхельбекера сопровождается ласковым «мой». Так Пушкин писал о самых близких и любимых лицейских друзьях — Дельвиге и Пушкине. В стихотворении «19 октября» (1825) Пушкин пишет о нем: «Мой брат родной по музе, по судьбам».

Позже в Михайловском поэт узнал, что Кюхельбекер вслед за Пушциным тоже собирается к нему приехать.

¹ Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 81.

Брату по судьбам и музе обращает Пушкин согретые дружеским теплом призывные строки:

Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.
(«19 октября»)

Но поездка Кюхельбекера в Михайловское так и не состоялась, и Пушкин продолжал тревожиться о друге.

В 20-е гг. Пушкин начал печататься в альманахе «Полярная звезда», издателями которого были декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев. В Михайловском поэт продиктовал Пушину начало поэмы «Цыганы» для «Полярной звезды». С издателями альманаха Пушкин познакомился еще в Петербурге, до ссылки. К. Ф. Рылеев, участник военных походов 1814—1815 гг., позже глава Северного общества, в 1820 г. в пору общения с Пушкиным приобрел широкую популярность своей острой сатирой на Аракчеева «К временщику». Среди народа в столице он снискал себе и другую известность как чиновник петербургской палаты уголовного суда, нелицеприятный поборник справедливости. Его имя и честность вошли в поговорку среди простых людей. Пушин и Рылеев оказались сослуживцами уголовной палаты. В 1823 г. лицейский товарищ Пушкина принял Рылеева в Северное общество, где он сразу выдвинулся своей кипучей энергией и глубокой убежденностью в правоте декабристских идей. «Все действия жизни Рылеева ознаменованы были печатью любви к Отечеству; она проявлялась в разных видах: сперва сыновнею привязанностью к родине, потом негодованием к злоупотреблениям и, наконец, развернулась совершенно в желании ему свободы»¹.

Это был человек редкого обаяния и привлекательности, которые при близком знакомстве подчиняли ему людей: «Единственная мысль, постоянная его идея была пробудить в душах своих соотечественников чувства любви к Отечеству, зажечь желание свободы»².

Для блага родины Рылеев готов был принести в жертву собственную жизнь. Он не боялся смерти и принимал

¹ Бестужев Николай. Воспоминание о Рылееве. — В кн.: Воспоминания Бестужевых. М. — Л., 1951, с. 11.

² Там же, с. 25.

ее с неизъяснимой радостью. Рылеев был певцом гражданских подвигов и борьбы за свободу родины. Основная тема его «Дум» — любовь к родине разных людей в различные периоды русской жизни. Всех героев «Дум» Рылеева объединяет общая для них и для самого автора черта — пламенный патриотизм, за который они страдают.

В Михайловское Пушкин привез Пушкину письмо Рылеева, в котором он переходил на «ты» с поэтом: «Я пишу к тебе «ты», потому что холодное «вы» не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям. Пушкин познакомит нас короче». Рылеев вдохновлял великого поэта на создание героической поэмы о Пскове, где «задушены последние вспышки русской свободы», и надеялся, что Пушкин не оставит эту землю без поэмы.

В январе 1825 г., отвечая Рылееву, Пушкин благодарил за письмо и за «ты» и признавался, что с нетерпением ждет «Полярную звезду» с поэмой «Войнаровский». Эта поэма, по его признанию, нужна русской словесности. Так началась их переписка, из которой дошли три письма Пушкина к Рылееву и восемь писем Рылеева. Все они относятся к 1825 г. и носят литературный характер. В одном из писем Рылеев называл себя учеником Пушкина.

Но в письмах раскрываются и их споры, расхождения по многим литературным вопросам. Рылеев особенно ценил романтические поэмы Пушкина и ставил их выше первой главы «Евгения Онегина». Пушкин не мог согласиться с этим приговором, понимая, что задуманный им реалистический роман в стихах — лучшее его произведение. В свою очередь и Пушкин с похвалой отзывался только о поэме Рылеева «Войнаровский» («...слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет») и писал, что Рылеев «в душе поэт и идет своей дорогой». Исторические герои Рылеева похожи на автора — декабриста, а в их монологах слышен голос самого поэта. Эти особенности «Дум» — художественное однообразие и нарушение исторического правдоподобия — вызвали критические замечания поэта.

В 1822—1825 гг. Пушкина связывала оживленная переписка со вторым издателем «Полярной звезды» декабристом А. А. Бестужевым. Поэт считал Бестужева и П. А. Вяземского лучшими современными критиками: «...ни с кем мне так не хочется спорить, — писал Пушкин

Бестужеву,— как с тобою да Вяземским, вы одни можете разгорячить меня». С особым интересом отнесся Пушкин к статье Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность» («Полярная звезда на 1823 г.»), но и в ней не со всем согласился: «О «Взгляде» можно бы нам поспорить на досуге». Пушкину нравились повести Бестужева, он называл их «прелестными». Дружеские связи Пушкина с литераторами-декабристами оборвались в самом их начале.

В Михайловском раздумья Пушкина над эпохой «многих мятежей», событиями так называемого «смутного времени» (конец XVI—начало XVII в.) приводят поэта к зрелой реалистической мысли о решающей роли народа в истории, воплощенной им в «Борисе Годунове». Внимание Пушкина привлекает судьба народа. Народ — главный герой трагедии. На его поддержку рассчитывают все претенденты на царский престол: Борис Годунов, Самозванец, боярство. В предпоследней сцене он выступает как грозная сила, поднявшаяся против наследника Годунова — царевича Федора.

Пушкин значительно опережает теперь в своем историческом мышлении, в понимании движущих сил общественного развития, друзей-декабристов, боявшихся революционной деятельности народа, а потому и не вовлекавших эту могучую силу в свою борьбу с самодержавием. «Борис Годунов» был окончен 7 ноября 1825 г.

Приближалось 14 декабря. Неожиданную смерть царя в ноябре 1825 г. члены Северного общества считали самым подходящим моментом для осуществления своих революционных идей. 13 декабря на квартире у Рылеева состоялось совещание, на котором обсуждался план восстания. Рылеев был душою собравшихся. Декабрист Михаил Бестужев вспоминал: «...как прекрасен был в этот вечер Рылеев!.. Он был нехорош собою, говорил просто, но не гладко; но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к родине,— физиономия его оживлялась, черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться им»¹. Накануне восстания Рылеев заражал друзей своей героической жертвенностью: «Судьба наша решена! — восклицал он. — Я уверен, что погиб-

¹ Бестужев Михаил. 14 декабря 1825 года. — В кн.: Воспоминания Бестужевых, М., — Л., 1951, с. 65.

нем, но пример останется. Принесем собою жертву для будущей свободы Отечества!»¹.

Из мемуаров декабриста Н. И. Лорера стало известно, что Пущин накануне восстания письмом вызвал Пушкина в Петербург. Лореру об этом рассказывал брат поэта Лев Сергеевич. Пушкин решил ехать, уже собрался в дорогу и только из-за неблагоприятных для него случайностей остался в Михайловском. Впоследствии он рассказывал друзьям: «Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13-го декабря. Меня приняли бы с восторгом... я ...попал бы с прочими на Сенатскую площадь, и не сидел бы теперь с вами, мои милые!»

Декабристы решили вывести войска на Сенатскую площадь, отказаться от присяги Николаю I и потребовать от Сената, высшего судебно-административного учреждения, объявить царское правительство низложенным и обнародовать революционный Манифест. Созванное затем Учредительное собрание должно было решить вопрос об отмене крепостного права и будущем государственном устройстве России. Гвардейского полковника С. П. Трубецкого выбрали диктатором и поручили ему руководить ходом действий.

14 декабря первым на Сенатскую площадь прибыл Московский полк, а за ним лейб-гренадеры и батальон гвардейского морского экипажа. Восставшие выстроились в каре (построение четырехугольником для отражения атаки со всех сторон) перед зданием Сената. Кроме войск, на площади толпилось много народа. Люди лепились на крыше Сената и соседних домов.

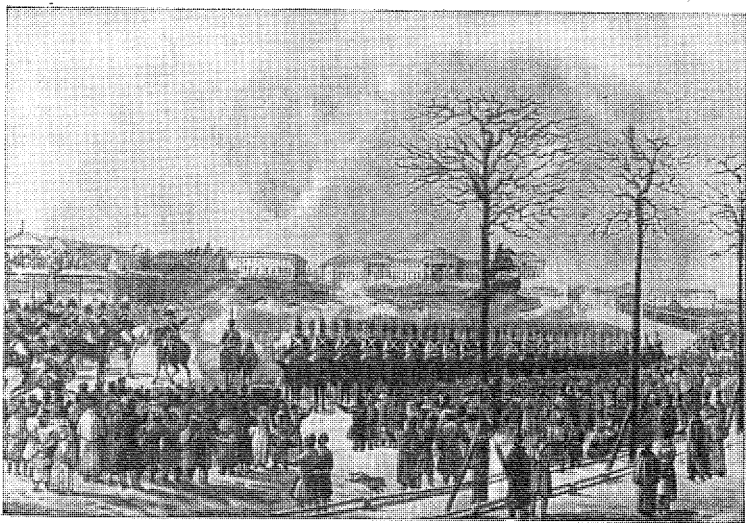
«День был сумрачный». При небольшом, 10-ти градусном морозе дул резкий восточный ветер и падал снег. Солдаты в легкой парадной форме, дрожа от холода, стояли на площади без движения более 7-ми часов, дожидаясь приказов главного начальства. Но Трубецкой к восставшим не явился. Пущин и Рылеев тщетно его искали. «Вскоре эскадрон конногвардейцев отделился из строя, — вспоминал декабрист Михаил Бестужев, — и помчался на нас. Его встретил народ градом камней из мостовой и

¹ Бестужев Николай. Воспоминание о Рылееве. — В кн.: Воспоминания Бестужевых. М. — Л., 1951, с. 34.

разобранных дров, находившихся за забором подле Исаакиевской церкви. Всадники... в беспорядке воротились за свой фронт. Вторую и третью атаку московское каре уже без содействия народа выдержало с хладнокровною стойкостью». Царские войска со всех сторон окружили мятежное каре. На стороне восставших не было ни конницы, ни артиллерии. По приказу царя начался артиллерийский обстрел площади, и «...в промежутках выстрелов можно было слышать, как кипящая кровь струилась по мостовой, растопляя снег, потом сама, алея, замерзала». Солдаты побежали к Неве, но лед не выдерживал и проваливался. Тех, кто отступал с площади на улицы, преследовала конница и артиллерия. Так картечью и ядрами были рассеяны восставшие.

Деятельными участниками восстания были братья Бестужевы — Александр и Михаил. Это они утром 14 декабря подняли на восстание Московский полк и привели его на Сенатскую площадь. А когда по восставшим грянули артиллерийские залпы, А. Бестужев с братом Николаем стремились остановить бегущих солдат и прикрыть отступление. До конца оставался на площади Пущин. Он

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.
Художник К. И. Кольман. 1825 г.

решительно и смело принимал участие в командовании. На нем была гражданская одежда, но солдаты, слыша его бодрые приказы, охотно выполняли их. Шуба Пущина в нескольких местах была прострелена. Неумело, но активно действовал среди восставших Кюхельбекер, принятый в тайное общество за несколько дней до 14 декабря. Он расхаживал перед строем солдат без шубы в одном только фраке с длинным пистолетом и палашиом (широкой саблей) в руках. Он отдавал команды солдатам, которые его не слушали, и пытался убить брата царя, великого князя Михаила Павловича. По словам Дельвига, он «был воспламенен, как длинная ракета».

К вечеру первое революционное выступление в России было разгромлено. А. И. Герцен дал блестящую характеристику людям 14 декабря. Это «фаланга героев... какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии». Эту характеристику декабристов процитировал В. И. Ленин в своей статье «Памяти Герцена».

3 января 1826 г. на Украине было разгромлено последнее Черниговского полка под руководством С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина.

Декабристов ждали аресты, следствие и суд. Раньше всех, 13 декабря, накануне восстания, был арестован глава Южного общества Пестель. Ночью 14 декабря арестовали Рылеева. Массовые аресты начались утром 15 декабря. Поняв, что арест неизбежен, в тот же день А. Бестужев сам явился на гауптвахту Зимнего дворца. Переодетому Кюхельбекеру после разгрома восстания удалось бежать в Польшу, но он был арестован в Варшаве и отправлен в Петербург.

Желая спасти от неминуемой кары Пущина, вечером 14 декабря к нему пришел князь А. М. Горчаков, его лицейский товарищ. Он предложил ему заграничный паспорт и советовал бежать из России, но Пущин отказался. Бегство для кристально чистого душой Пущина казалось нечестным. Он не мог оставить в беде своих товарищей. 16 декабря его арестовали и заключили вместе с другими в Петропавловскую крепость¹. Так же благородно вел

¹ Из видных декабристских деятелей спаслись только двое: Н. И. Тургенев и М. Ф. Орлов. Тургенев еще в 1824 г. уехал на лече-

себя накануне ареста Лунин. Переданный ему заграничный паспорт он вернул со словами: «Я разделял с товарищами их убеждения, разделю и наказание» — и тут же был арестован.

О разгроме восстания Пушкин узнал в доме своих друзей Осиповых. Их повар Арсений оказался очевидцем восстания. Услышав рассказ о случившемся, Пушкин «страшно побледнел. В этот вечер он был очень скучен, говорил кое-что о существовании тайного общества...»¹.

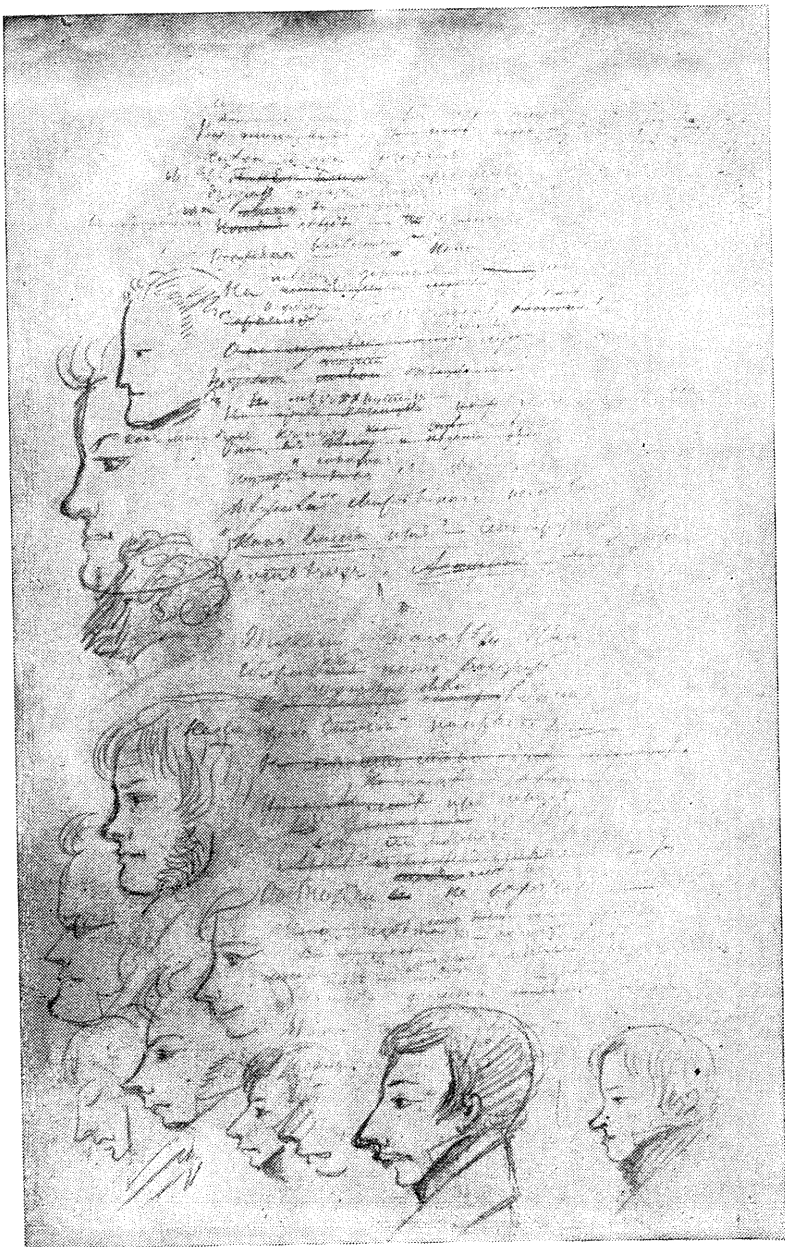
Началось следствие по делу декабристов. Особая комиссия под руководством царя допрашивала арестованных. Тяжелые думы о судьбе друзей омрачали жизнь поэта. В начале 1826 г. в письме Плетневу Пушкин спрашивал: «Что делается у вас в Петербурге? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую». Особенно его мучит мысль о лицейских братьях, Пущине и Кюхельбекере: «Мне сказывали, — пишет поэт 20 февраля А. А. Дельвигу, — что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться, — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую».

На полях черновой редакции V главы «Евгения Онегина» появляются портреты друзей: Пущина, Дельвига, Кюхельбекера, Рылеева. «Это была реакция на сообщения в газетах, где приводился список «зачинщиков» событий... Рылеев, Каховский, четверо Бестужевых, Трубецкой, Корнилович, Пущин, Кюхельбекер. Все они уже взяты и находятся под арестом, кроме Кюхельбекера, который, вероятно, погиб во время дела»². Рылеева и

ние за границу. Во время восстания декабристов он был в Англии. Английское правительство отказалось выдать его по требованию русского царя. Верховный суд заочно приговорил Тургенева к смертной казни, а потом к пожизненной каторге. В 1826 г. распространились ложные слухи, что Тургенева привезли на корабле в Россию. Пушкин отозвался на эти слухи стихотворением «К Вяземскому», в котором море, некогда им воспетое, называл «древним душегубцем», и очень был рад, что слухи не подтвердились. До конца жизни Н. Тургенев вынужден был жить за границей.

¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 425.

² Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 196.

Портреты декабристов П. И. Пестеля, И. И. Пущина,
В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылеева.
Рисунок А. С. Пушкина на рукописи «Евгения Онегина». 1826 г.

Кюхельбекера Пушкин запечатлел на рисунке во время восстания 14 декабря. «Рылеев в старинной фризовой шинели с множеством откидных воротников»¹ и Кюхельбекер «в одном фраке, с большим пистолетом и жандармским палашиом в руках»².

Надежды Пушкина на царя оказались тщетными. На рассвете 13 июля пятерых декабристов — К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, П. Г. Каховского и М. П. Бестужева-Рюмина — казнили на валу Петропавловской крепости. Накануне казни Пестель в прощальном письме к родным написал: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно люблю мое отечество, я желал его счастья с энтузиазмом...»³.

Они шли на казнь совершенно спокойно, потому что были твердо убеждены в правоте своего дела. До нас дошли последние слова героических мучеников за свободу России. Когда они подходили к эшафоту, «Пестель... увидя виселицу, с большим присутствием духа произнес: «Неужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пули, ни от ядер. Можно бы было нас и расстрелять!» С. И. Муравьев-Апостол шел рядом со своим другом, 23-летним М. Бестужевым-Рюминым, и говорил ему, что им нужно думать сейчас только «о справедливом приговоре потомства, который обязательно будет вынесен людьми будущего»⁴. У эшафота С. Муравьев произнес: «Все, что посеяно, взойдет, хотя бы и дождя не было»⁵. «Когда осужденных вели на эшафот, все пятеро... приблизились друг к другу, поцеловались и, оборачиваясь задом, потому что руки были связаны, пожали друг другу руки»⁶.

24 июля Пушкин услышал о пяти повешенных. Он оставил запись об этом трагическом событии на черновом

¹ Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 198.

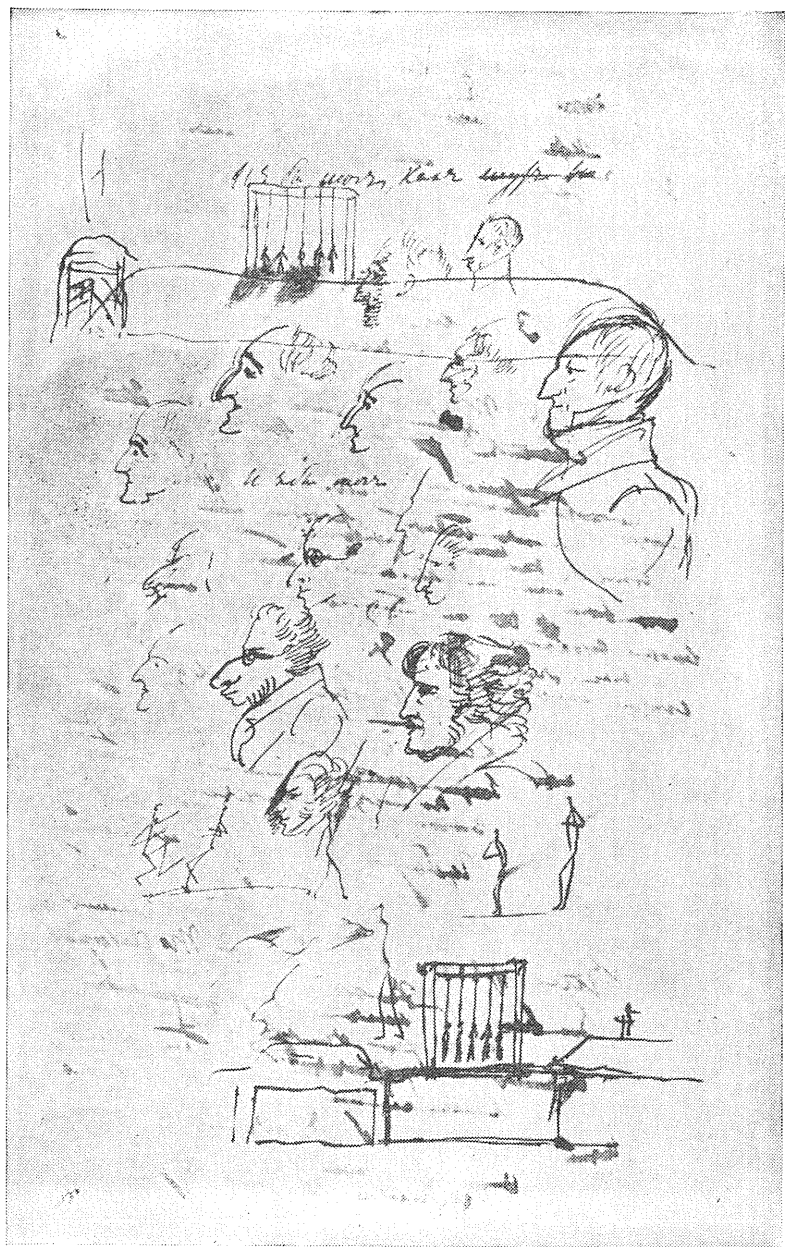
² Там же.

³ См.: Медведская Л. А. Павел Иванович Пестель. М., 1967, с. 139.

⁴ См.: Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970, с. 174.

⁵ Там же.

⁶ Воспоминания Бестужевых. М. — Л., 1951, с. 337.

Виселица с казненными декабристами.
Рисунок А. С. Пушкина, 1826 г.

автографе стихотворения «Под небом голубым страны своей родной»: «Услышал о. с. Р. П. М. К. Б. 24», т. е. услышал о смерти и дальше начальными буквами обозначены фамилии героев 14 декабря.

Вид виселицы с пятью казненными долго преследовал воображение поэта. В ноябре 1826 г. впервые под пером Пушкина появился этот страшный образ и вновь повторился в 1828 г. на рукописях «Полтавы».

Декабристы, оставшиеся в живых, по решению Верховного Уголовного суда были распределены по 11 разрядам в соответствии со степенью их «вины». Свыше 120 «преступников» приговорили к ссылке в Сибирь, на каторжные работы или поселение. В июле 1826 г. началась их отправка отдельными партиями в сопровождении фельдъегерей (военных курьеров). С глубокой горечью пишет поэт 14 августа 1826 г. П. А. Вяземскому: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Кюхельбекеру двадцатилетнюю каторгу заменили крепостью. Последняя встреча Пушкина с осужденным другом произошла в октябре 1827 г. на станции Залазы. Пушкин ждал лошадей, направляясь из Михайловского в Петербург, и неожиданно встретил Кюхельбекера, которого везли из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. Трудно было узнать Кюхельбекера: так он изменился. «Высокий, бледный и худой... с черною бородою, в фризовой шинели», он был неузнаваем, но Пушкин чудом его узнал. Они бросились друг другу в объятия, начались поцелуи, разговоры. «Жандармы, — вспоминал Пушкин, — нас растащили, фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали».

Описание этой, по словам Пушкина, «замечательной» встречи он включил в свои автобиографические заметки. Кюхельбекер писал о ней: «Свидание с тобою, Пушкин, век не забуду».

Перед следственной комиссией открылась широкая популярность политических стихотворений Пушкина среди декабристов. «..В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои», — упрекал поэта Жуковский. Стихи Пушкина записывали во время следствия на допросах. Не всем декабристам удавалось их утаить, и

тогда по приказу царя вынули из дел и сожгли «все возмутительные стихи». Исследовательница декабристского движения, академик М. В. Нечкина рассказывает, как случайно уцелела запись только одного стихотворения Пушкина: «Кинжал». Стихотворение расположилось «на двух смежных страницах следственных показаний, заполненных и на оборотах и частично внутри записью допроса, — таким образом, уничтожение пушкинского «Кинжала» повлекло бы за собой уничтожение важных показаний. Поэтому военный министр Татищев, выполняя царскую волю, не нашел иного выхода, как вооружиться гусиным пером и тщательно зачеркнуть крамольные пушкинские строки... «Работу» свою он сопроводил выразительной скрепой: «С высочайшего соизволения помарал военный министр А. Татищев»¹.

Сам Пушкин признавался П. А. Вяземскому: «я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков».

Пушкин до конца дней не забывал друзей-декабристов и, больше того, продолжал разделять их идеалы. О крушении восстания декабристов, о своей и их судьбе Пушкин аллегорически рассказал в стихотворении «Арион».

Теперь в своих «гимнах» Пушкин пробуждает в друзьях «гордое терпенье» и веру в то, что начатое ими дело будет продолжено:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

(«Во глубине сибирских руд...»)

Пушкин восхищался героизмом жен сибирских изгнанников, стремившихся добровольно разделить с ними их каторжную жизнь.

Он был полон искреннего восторга перед гражданским подвигом замечательных русских женщин. С женой Никиты Муравьева Александрой Григорьевной, отправившейся из Москвы в Сибирь в начале января 1826 г., Пушкин передал послания Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») и всем декабристам («Во глубине сибирских руд...»). Самого дорогого лицейского друга,

¹ Нечкина М. В. Пушкин и декабристы. М., 1949, с. 30.

Пущина, Пушкин вспомнил накануне годовщины 14 декабря и обратился к нему с теплыми словами благодарности и утешения:

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!
(«И. И. Пущину»)

Пущин писал, что поэт «первый встретил меня в Сибири задушевным словом»¹. Он получил послание Пушкина в самый первый день приезда в Читу. «Отраднo отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнанье»². А. Г. Муравьева передала листок бумаги со стихами сквозь щель забора Читинского острога. «Увы! — продолжает Пущин, — я не мог даже пожать руку той женщине, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга»³.

Бывший директор Лицея Е. А. Энгельгардт прислал Пущину стихотворение Пушкина «19 октября 1827», написанное вскоре после свидания с Кюхельбекером, и в нем поэт снова вспоминал лицейстов-изгнанников:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

«И в эту годовщину, — писал Пущин, — в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они недосчитывали на лицейской сходке»⁴.

С Кюхельбекером Пушкин переписывался, помогал ему в публикации произведений. При участии Пушкина были изданы две части романтической мистерии Кюхельбекера «Ижорский», доставившие большую радость сибирскому изгнаннику. Пушкин посылал другу по его просьбе книги. И благодарный Кюхельбекер посвящал поэту полные сердечного чувства, восторженные стихи:

¹ Пу щ и н И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 84.

² Там же, с. 85.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 86.

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его золотые струны
Рокочут... Пушкин, Пушкин! это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты¹;

и проникнутые глубокой признательностью письма: «Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения: не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось». Кюхельбекер до последнего дыхания пронес свою любовь к Пушкину.

Декабристы следили за литературным развитием Пушкина, и с особой любовью это делали его лицейские друзья Пущин и Кюхельбекер. Они наслаждались произведениями поэта, являвшимися в свет. А Пушкин продолжал тщетно взывать к царю о милосердии, о скорейшем освобождении изгнанников. Разгром восстания декабристов погасил надежды поэта на освобождение России от самодержавия. Но Пушкина не оставляли думы о неудаче революционного опыта друзей-декабристов.

В 30-е гг. Пушкин обращается к теме народных восстаний и пишет одну за другой три повести: «Историю села Горюхина», «Дубровского» и «Капитанскую дочку». Характер крестьянских движений Пушкин постигал, изучая исторический опыт восстания Пугачева, а также холерных бунтов и восстаний в военных поселениях Новгорода и Старой Руссы в 1830—1831 гг.

С особой художественной силой народное восстание изображено в повести «Капитанская дочка». В ней ярко отражены сильные и слабые стороны восстания Пугачева. С одной стороны — грозная мощь и размах движения, возбужденные ненавистью крестьян к помещикам, талант народного вождя, воплотившего лучшие черты русского национального характера: великодушие, ум, удаль и ненависть к врагам, с другой — стихийность и неорганизованность восставшего народа. Пушкин завершил работу над «Капитанской дочкой» 19 октября 1836 г., в конце декабря она была напечатана в журнале «Современник».

В 1837 году до сибирского заточения дошла весть о трагической гибели Пушкина. «Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме — во всех кружках только

¹ Поэзия декабристов. Л., 1950, с. 324.

и речи было, что о смерти Пушкина — об общей нашей потере...»¹. Декабристы были потрясены этой вестью. Они восприняли смерть Пушкина как народное горе. В. Л. Давыдов плакал. «Слушая этот горький рассказ, — признавался Пущин, — я сначала решительно как будто не понимал слов рассказчика, — так далека от меня была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых на него надежд. Это был для меня громовой удар из безоблачного неба — ошеломило меня, а вся скорбь не вдруг сказалась на сердце...»². Позже Пущин писал к бывшему лицеисту И. В. Малиновскому, что если бы при нем случилась эта несчастная история, то роковая пуля встретила бы его грудь, он бы сумел «сохранить поэта — товарища, достояние России...»³. Через 20 лет Пущин узнал из разговора с К. Данзасом, лицеистом пушкинского выпуска, секундантом поэта, что в предсмертных своих страданиях Пушкин проговорил: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать»⁴. В грустные минуты раздумий о Пушкине Пущин «утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его живого в бессмертных его творениях...»⁵.

В стихотворении Кюхельбекера «Тени Пушкина» тоже выражается мысль о поэтическом бессмертии Пушкина: «Не смеркнешь ты во мгле веков»⁶. Эту мысль разделяли все декабристы. В лице Пушкина они потеряли своего певца и преданного друга. В Сибири продолжалась их жизнь, полная унижений и страданий.

Разгром восстания на Сенатской площади определил трагическую судьбу не только самих участников события, но и судьбы многих людей, дружески и родственно связанных с ними, не принадлежавших к тайным обществам, но разделявших идеи декабристов. К числу этих передовых людей принадлежала замечательная семья героя 1812 г. Н. Н. Раевского.

¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 87.

² Там же, с. 86—87.

³ Там же, с. 152.

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 332.

⁵ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 88.

⁶ Поэзия декабристов. Л., 1950, с. 326.

«РАЕВСКИЕ МОИ»

*

Так отзывался поэт об этой прославленной семье в стихотворении «В. Л. Давыдову». С Раевскими, по словам поэта, он был связан «узами дружбы и благодарности». Раевские оставили значительный след в творчестве Пушкина. О них он пишет в письмах, им посвящает свои стихотворения и поэмы. В типических обобщенных характерах его героев, таких, как Онегин и Татьяна Ларина, многие черты восходят к молодому поколению Раевских (Александру Николаевичу и сестрам Раевским).

Отдельные представители семьи Раевских, среди прочих знакомых, давали Пушкину жизненный материал для раздумий над судьбами дворянской интеллигенции XIX в. Отношения поэта с этой семьей интересны нам потому, что позволяют наглядно представить, как конкретные факты жизни претворялись в его творчестве в обобщенные образы.

По признанию современника, в войне 1812 г. «среди других знаменитых имен имя Раевского светлело огнем лучезарной славы». Несмотря на свои заслуги, Н. Н. Раевский не сделал блестящей военной карьеры и в 1824 г. вышел в отставку в скромной должности командира корпуса.

Талантливый полководец, Раевский отличался большой добротой и благородством. «...Человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества», — писал Пуш-

кин. Это был настоящий русский человек. Он «знал и ценил простой народ, сближаясь с ним в военном быту и в своих поместьях...».

Раевский любил родной язык и литературу. Современники считали его одним из образованнейших людей. Образование свое почерпнул он преимущественно из чтения. Первой книгой, произведшей на него сильное впечатление, был «Эмиль» Руссо.

Женой Раевского была С. А. Константинова — внучка М. В. Ломоносова. У Николая Николаевича и Софьи Алексеевны было два сына и четыре дочери. Родители воспитывали в детях высокое представление о гражданском долге, чести и горячий патриотизм.

Сыновья генерала, Александр и Николай, уже в юные годы — популярные герои Отечественной войны. Николай Николаевич — младший проявил блестящее дарование и позже: в войнах с Персией и Турцией в 1827—1829 гг. и как начальник Черноморской береговой линии. В сестрах Раевских одаренность, воля и ум сочетались с обаянием и красотой. «Все его дочери (Екатерина, Елена, Мария, Софья. — *Н. Л.*) — прелесть», — писал о них Пушкин...

Семья Раевских отличалась редкой образованностью и начитанностью. Все четыре дочери генерала свободно владели, как своим родным, двумя европейскими языками: французским и английским. В доме царила атмосфера передовых идей и глубокого интереса к искусству: музыке, живописи, и особенно к литературе, русской и иностранной.

В кругу их родных выдающиеся русские поэты: М. В. Ломоносов, Д. В. Давыдов. Их друзьями были — Пушкин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, В. И. Туманский.

Новый ореол семья Раевских приобрела после восстания на Сенатской площади. Дружески и родственно были связаны Раевские с выдающимися представителями декабристского движения. Оба сына генерала попали в «Алфавит декабристов». Их арестовали по доносу генерал-лейтенанта И. О. Витта, занимавшегося слезкой за декабристами Южного общества. 5 января 1826 г. братья Раевские были доставлены в Петербург, но вскоре освобождены. Пушкин отмечал жестокость репрессий правительства после событий 14 декабря: «...оно в журналах

Автопортрет, Ек. Н. и А. Н. Раевские. Мужские и женские профили.
Рисунки А. С. Пушкина на рукописи «Кавказского пленника». 1821 г.

объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции». «Обоих братьев, хотя и отпустили, но взяли на замечание и считали либералами и опасными людьми» (М. В. Нечкина). Н. Раевский признавался, что их освободили из уважения к военным заслугам отца. М. Ф. Орлов и С. Г. Волконский, оба зятя Раевского, были арестованы. Первый до конца жизни попал в опалу. Особенно пострадал Волконский. Сибирскую каторгу отбывал и родной брат Раевского — В. Л. Давыдов. Старшая дочь Е. Н. Раевская жила вместе с мужем, Орловым, в Калужском имении Милятино под надзором полиции и местных властей. Более жестокая участь выпала на долю младшей дочери, М. Н. Волконской, добровольно последовавшей за мужем в Сибирь. Братья и сестры Раевские помогали Волконским и другим декабристам. Они высылали в Сибирь «одежду, белье, разного рода провизию и т. д., что не-

Н. Н. Раевский.
Художник Дж. Доу.

сколько облегчало их положение». После разгрома восстания, в пору репрессий, самого Раевского тоже подозревали в связи с декабристами. Киевский дом его считали местом встреч членов Южного общества. Не могли смириться с тем, что его точка зрения на многие явления русской жизни расходилась с официальной. В январе 1826 г. граф Сакен, главнокомандующий армии, доносил на него Николаю I: «К моему величайшему сожалению, я подозреваю человека, долго служившего, пожилого, отца семейства, Раевского, дом которого был открыт для всех заговорщиков, и члены собственной семьи которого замешаны в этом деле. Можно ли верить его невинности?»¹. Последние годы жизни Раевского были печальны. Оба его сына исключены со службы. Причиной опалы

¹ См.: Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970, с. 57.

Н. Н. Раевский
— старший.
Рисунок
А. С. Пушкина.

младшего из братьев стала его связь с декабристами. Накануне смерти он сказал, указывая на портрет М. Н. Волконской: «Вот самая удивительная женщина, какую я знал». Он умер 58 лет 16 сентября 1829 г. в своем имении Болтышка Киевской губернии.

Потрясенная известием о смерти отца, М. Н. Волконская писала из Сибири: «Мое сердце разрывается при мысли, что у меня больше нет отца...» М. В. Юзефович, бывший адъютантом Раевского-младшего, рассказывал, как перенес его начальник кончину своего отца: «Известие это до того поразило... сына, что я во всю мою жизнь ни прежде, ни после не видел женщины, рыдавшей, как он».

В «Литературной газете» (1830, № 1) Пушкин опубликовал заметку о «Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского» М. Ф. Орлова: «Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, — отмечал Пушкин, — отличается благородною теплотою слога и чувств... С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло».

«Близкий мой приятель». Пушкин писал брату об Александре Николаевиче в 1820 г.: «Старший сын его (генерала Раевского. — *Н. Л.*) будет боле нежели известен». Поэт предполагал, что он сыграет важную роль в политических событиях, которых ожидали в России. Своему кишиневскому приятелю В. П. Горчакову поэт советовал познакомиться с А. Раевским, «человеком замечательным». Ему суждено было оказать сильное влияние на духовное развитие Пушкина и оставить заметный след в его творчестве.

А. Н. Раевский отличался яркой индивидуальностью. Современники признавали острый, «замечательно тонкий» ум Раевского и порой удивлялись его проницательности. «Года за два до событий 1848 г. он предсказал судьбу Людовика Филиппа и ход последующей истории Франции». Знакомые часто испытывали на себе его непреодолимое нравственное влияние. Он обладал покоряющим обаянием, сила которого «заклучалась в резком и язвительном отрицании...».

Раевский был четырьмя годами старше Пушкина. Он родился 16 ноября 1795 г. на Северном Кавказе, в Георгиевске. В его воспитании принимала участие тетка по матери, внучка М. В. Ломоносова, Е. А. Константинова. С 15 лет А. Раевский, как большинство дворянских детей, был зачислен на военную службу подпрапорщиком в Симбирский гренадерский полк. Во время войны с Турцией он находился в армии с отцом. В суровом 1812 г. в самый напряженный момент боя на Салтановской плотине А. Раевский шел впереди русских войск на французскую батарею. Он поднял знамя, упавшее из рук убитого прапорщика, и увлек за собой солдат. Крайне скупой на похвалу, Раевский-отец с гордостью писал: «Мой сын Александр показал себя героем». За сражение под Дашковкой (Салтановкой) он был произведен в подпоручики.

А. Н. Раевский.
Художник неизвестен.
1821 г.

Так блистательно началась военная карьера А. Раевского. А. Раевский участвовал в Отечественной войне и военных походах 1813—1814 гг.

Жизнь Александра Николаевича озарялась искренней дружбой с С. И. Муравьевым-Апостолом. Будущий декабрист видел в Раевском замечательного человека и был благодарен судьбе за возможность изредка общаться с ним: «Ежели бы... в Киеве болезнь не задержала Александра Раевского, я бы здесь умер со скуки... Когда удастся мне в Киев съездить, так я совершенно оживаю, и когда мы не вместе... то книгам его я обязан приятнейшими минутами»¹.

С. Муравьев высоко ценил ум Раевского, его глубокий патриотизм, ранний жизненный опыт, широкую начитанность. О дружеском общении с Александром Николаевичем в июле 1821 г. Муравьев писал отцу: «Три дня я хорошо провел в Киеве в обществе Александра Раевского. Это молодой человек, который очень выигрывает при ближайшем знакомстве; остается только пожелать, чтобы в России было побольше таких, как он, — одним словом, он окончательно покорила меня»². Они виделись не только в Киеве. Часто Раевский ездил к другу в полк. Муравьев познакомил его с самым преданным своим другом М. Бестужевым-Рюминым. Через него Муравьев получал иногда письма Раевского. В 1822 г., когда А. Раевский был прикован болезнью к постели, друзья навещали его.

Некоторые современники, близко знавшие Раевского, отзывались о нем нелестно, как о человеке холодном, черством, злом и рассудочном. Да и сам он не скрывал своих отрицательных качеств и старался даже казаться хуже, чем был на самом деле.

Сложная противоречивость его характера открывалась немногим. Это был глубоко разочарованный человек. Но свою печаль и страдания от одиночества и болезни он умело скрывал от посторонних. Об этом знали только самые близкие из родных. Острый аналитический ум, постоянно все разлагавший, в сочетании с ранним жизненным опытом лишили его романтических иллюзий, и он старался разрушать их у своих знакомых.

¹ Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970, с. 57.

² Там же.

29 декабря 1825 г. в Белой Церкви Раевского арестовали по делу декабристов и привезли в Петербург. Вместе с братом Николаем он находился в здании Генерального штаба. Братья беспокоились о том, как бы известие об их аресте не испугало мать и сестер, они написали общее успокаивающее письмо. Рукою А. Раевского в нем сделана приписка: «Мы спокойны и беспокоимся только о вас». Он не верил в возможность решительных преобразований русской жизни в современных условиях и не состоял в тайном обществе.

На допросе А. Раевский держался открыто и смело. Царь сказал ему: «Я знаю, что вы не принадлежите к тайному обществу, — вспоминал декабрист Н. И. Лорер, — но, имея родных и знакомых там, вы все знали и не уведомили правительство; где же ваша присяга?» Александр Раевский, один из умнейших людей нашего времени, смело отвечал государю: «Государь! Честь дороже присяги; нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще». 17 января 1826 г. братьев Раевских освободили. Николай I предложил А. Раевскому поступить на военную службу. Но тот сослался на расстроенное здоровье, скрыв от царя свое истинное побуждение: он не хотел воспользоваться царской милостью до тех пор, пока участь мужей его сестер не будет окончательно решена. Сестры нуждались в помощи и поддержке.

Пушкин познакомился с Раевским, вероятно, еще в Петербурге, где А. Раевский служил в 1819 г. Разность натур поэта и его нового приятеля вызывала их взаимный интерес друг к другу. Молодой Пушкин, увлеченный необычным и возвышенным, романтикой жизни, столкнулся со скептиком, человеком охладелым. Язвительное отрицание, душевный холод и равнодушие к жизни в сочетании с образованностью и большим умом, несомненно, привлекали к нему поэта. Он искал его общества. После совместного пребывания на Кавказе Пушкин встречался с Александром Николаевичем в Каменке, в Киеве и Одессе и все лучше понимал его.

11 мая 1821 г. поэт приехал из Кишинева в Одессу и провел здесь две недели. В это время его часто видели в обществе А. Раевского.

В этот самый приезд в Одессу Пушкин написал эпилог к «Кавказскому пленнику». Над текстом его стоит дата: «Одесса, 1821, 15 мая».

Наиболее продолжительным было общение Пушкина с Раевским во время одесской ссылки поэта. В Одессе Пушкин чувствовал себя одиноким. Высшее общество его не занимало: «Он отвык и, как говорил, никогда и не любил аристократических, семейных, этикетных обществ». Только «приезды А. Н. Раевского развлекали Пушкина, как будто оживляли его... Тогда — расспросам не было конца». В июле — сентябре 1823 г. они были неразлучны. Юзефович рассказывал, что Пушкин ходил к приятелю обыкновенно по вечерам. Поэт не выносил взгляда А. Раевского и пользовался позволением тушить свечи, чтобы свободнее разговаривать с ним. В дни разлуки их связывала переписка.

Пушкин все глубже постигал противоречивую сущность характера А. Раевского, а его цинизм стал казаться поэту напускным. В одном из одесских писем он откровенно высказал это и ему самому: «Я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под напускным цинизмом».

Непримиримому врагу романтизма, А. Раевскому поэзия вообще была чужда. Но это не мешало ему, однако, высоко ценить «прекрасный талант» Пушкина. Поэт прислушивался к литературным мнениям Раевского и иногда разделял их: «А. Раевский, — писал он, — хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

(«Бахчисарайский фонтан»)

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама». Пушкин оправдывал смех Раевского, вызванный описанием Гирея в военных битвах после смерти его возлюбленной, польской княжны.

Вскоре после ссылки поэта в Михайловское Раевский написал ему дружеское письмо: «Я испытываю настоящую потребность писать вам. Нельзя безнаказанно прожить вместе столько времени; даже оставляя в стороне

множество причин, которые заставляют меня питать к вам истинную дружбу, одной привычки было бы достаточно, чтобы создать между нами прочную привязанность». Дальше в письме следуют строчки, очень важные для понимания самого Раевского. Его стоическая душа не выносила сентиментальности: «Непрерывное излияние нежных чувств» было для него «тошнотворной вещью». Эта его особенность, крайняя сдержанность в выражении сердечных чувств, замечательно подтверждается собственным признанием Александра Николаевича: «Теперь, когда мы так далеко друг от друга, я не стану сдерживаться в выражении чувств, которые питаю к вам; знайте же, что, не говоря уже о вашем прекрасном и большом таланте, я с давних пор проникся к вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее». Из письма ясно, что Пушкин посвящал своего друга в творческие замыслы романа в стихах. Раевский знал содержание двух первых глав «Онегина» еще до их опубликования. Он сообщает Пушкину о том, с каким живейшим участием отнеслась к его несчастью, ссылке из Одессы, Татьяна (так Раевский и Пушкин называли между собой Е. К. Воронцову): «...она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали; она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны». Как видим, и графиня Воронцова входила в число тех, с которых «образован Татьяна милый идеал». Пушкин получил письмо А. Раевского. Неизвестно, ответил ли он на него. Существует мнение, что их интимная переписка была уничтожена А. Н. Раевским.

С именем А. Раевского по традиции связывают стихотворение поэта «Коварность» и считают его ответом Пушкина на «ласкательное» письмо к нему Александра Раевского¹.

Ссылка поэта в Михайловское прервала его общение с А. Раевским. Но поэт не перестает интересоваться его судьбой. Он интересен ему как прообраз его творческих созданий: «Что подельвает ваш брат? — спрашивает он Николая Николаевича. — Вы ничего о нем не сообщаете

¹ См.: Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман». — Прометей, 1974, № 10, с. 45.

в письме от 13 мая. Лечится ли он?» Арест братьев Раевских в 1826 г. по делу декабристов сильно взволновал Пушкина. Он озабочен здоровьем арестованного А. Раевского. «Мне сказывали, — пишет он А. А. Дельвигу, — что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня».

А. Н. Раевский жил не только в памяти поэта, он оставил заметный след в его творчестве. Отличительные черты яркой личности друга воплотились в произведениях Пушкина. Пушкин принадлежал к числу великих русских писателей, чье творческое воображение глубоко питалось впечатлениями жизни. Друзья, знакомые, случайно встреченные люди давали поэту всякий раз живой материал для его художественных обобщений. Подобным использованием жизненных явлений в творчестве отличался И. С. Тургенев. «Сочинять... — признавался он, — я никогда ничего не мог. Чтобы у меня что-нибудь вышло, надо мне постоянно возиться с людьми, брать их живьем. Мне нужно не только лицо, его прошедшее, вся его обстановка, но и малейшие житейские подробности. Так я всегда писал, и все, что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мною»¹. И снова повторял: «Я никогда не мог творить из головы... Мне для того, чтобы вывести какое-нибудь вымышленное лицо, необходимо избрать себе живого человека, который служил бы мне как бы руководящею нитью...»². Написав «Кавказского пленника», Пушкин признавался, что характер пленника неудачен и был бы лучше, если бы в Кабарде встретил он Якубовича — героя своего воображения: «...в нем много в самом деле романтизма». Отражая в характере пленника «это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души», Пушкин, несомненно, находил эти отличительные черты молодежи XIX в. в А. Раевском. В нем они выступали, пожалуй, с особой резкостью и были особенно близки ссыльному Пушкину, испытывавшему в то время немало разочарований.

¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, в 2-х т., т. 2. М., 1969, с. 10.

² Там же, с. 80.

Таким образом, уже при лепке романтических героев Пушкин широко использовал свои наблюдения над современной ему жизнью, имел в виду, как следует из его признаний, определенную реальную модель.

При создании характера пленника такой моделью, в известной мере, был для Пушкина и А. Раевский. Одна из примечательных особенностей друга Пушкина — страстность характера при внешней холодности. В рукописном тексте многократно варьируются мотивы скрытности и охлажденности героя:

Давно, давно привыкнул он
Себя таить в душе глубокой.
В самом себе привыкнул он
Таить... и скорбь (и) наслажденья
Противу злобы хладный камень
Среди гонений, средь пиров
Везде казался хладный камень.

Пушкин стремится запечатлеть сложную противоречивость героя, его душевную опустошенность и одновременно светлые воспоминания о прошлом. Целая вереница эпитетов сопутствует «воспоминаниям»: *тайное воспоминанье, нежное воспоминанье, дней драгих воспоминанье, вечное воспоминанье*.

Рукописный текст отражает историю души героя, самый процесс ее охлаждения. Стихи:

Презрев мечтаний ложный сон
Бесплодной (истины) замену,

явились итогом длительной разработки темы охлаждающего влияния жизни: *Любил мечтаний легкий сон, Любви и дружбы легкий сон, Младых мечтаний легкий сон, В любви нашел он тяжкий сон, А в дружбе сладостной измену*.

Образ пленника не вполне удовлетворил Пушкина. И позже тот же характер продолжает занимать его воображение и воплощается в лирике.

Летом и осенью 1823 г. Пушкин пишет стихотворения «Мое беспечное незнанье», «Бывало в сладком ослепленьи» и, наконец, стихотворение «Демон»¹. Они пол-

¹ В 1824 г. стихотворение впервые появилось в журнале «Мнемозина», издаваемом В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским. В первом

ны глубокого разочарования поэта в романтических идеалах. В «Демоне» раскрыто столкновение двух точек зрения на жизнь: рассудочно-скептической и романтической, утверждающей веру в прекрасное, возвышенное, идеальное. Поэт с грустью признается в крушении своих романтических иллюзий под влиянием скептических идей:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенё соловь, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь

И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

В стихотворении намечался живой и весьма конкретный для современников образ скептика:

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он провиденье искал;

Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел—
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Современники узнавали в «Демоне» Раевского, видели в пушкинском герое черты его облика и душевного склада. Это признавали и близкие родственники Раевского, люди хорошо его знавшие. Дядя А. Раевского А. Л. Давыдов знал «Демона» наизусть и не раз с самодовольным видом декламировал стихотворение своим знакомым, «восхищаясь тем, что племянник увековечен стихами Пушкина». М. Н. Волконская говорила, «что образ пушкинского «Демона» создавался не без влияния ее брата на поэта, другом которого он был». Она вспоминала, что в Сибири ее муж, С. Г. Волконский, звал Александра Николаевича «демоном», «говоря, что Пушкин тоже называл его так, зная его очень хорошо». А раньше, до ссылки в Сибирь, С. Г. Волконский в письме к поэту оспаривал пушкинскую характеристику Раевского в «Демоне»: «Неправильно вы сказали о Мельмоте

издании стихотворение напечатано так небрежно, что по просьбе Пушкина А. А. Дельвиг вторично опубликовал его в «Северных цветах на 1825 год». Вместо заголовка «Мой демон» было восстановлено пушкинское название «Демон», устранены также некоторые искажения в тексте стихотворения.

(А. Раевском. — Н. Л.), что он в природе ничего не благословлял...»

Среди друзей и сам Пушкин называл Раевского демоном и «вспоминал со смехом некоторые случаи подчиненности своему демону, до того уже комические, что мне даже казалось, что он пересаливает свои рассказы, — вспоминал знакомый Пушкина Юзефович. — Но потом я проверил их у самого Раевского, который повторил мне буквально то же».

После опубликования пушкинского «Демона» многие знакомые стали называть Раевского демоном или сатаной. Поэту были неприятны разговоры о Раевском в связи с его «Демоном». Отводя их, он писал в заметке «О стихотворении «Демон», желая подчеркнуть широкий, типический смысл своего произведения, не сводимый только к определенной личности: «...иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную... И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения*, и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оною на нравственность нашего века».

В 1825 г., когда Пушкин это писал, в «демонизме» он видел особенность общественной психологии, присущей не только А. Раевскому, но ему самому и многим другим. В Раевском же она проявилась с наибольшей яркостью, о чем в один голос свидетельствуют многие современники, хорошо его знавшие. И вряд ли все же стихотворение, созданное в 1823 г. в Одессе во время постоянного общения с А. Раевским, возникло без влияния частых встреч и бесед поэта со своим другом-скептиком.

Заметка Пушкина написана от третьего лица и без подписи. Она осталась неопубликованной при жизни поэта, и репутация демона надолго закрепилась в сознании современников именно за Раевским.

Позже противоречивый характер разочарованного человека, скептика, намеченный в «Кавказском пленнике» и в лирике, получает свое развитие в романе в стихах. Сам Пушкин считал, что характер пленника «приличен более роману, нежели поэме, — да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявше-

го чувствительность сердца в несчастиях, неизвестных читателю...».

Вслед за поэмой создается роман, в котором о событиях жизни такого героя рассказано с несравненной полнотой, не оставляющей никаких неясностей. На связь поэмы и романа намекает и автор в черновой рукописи предисловия к первой главе «Евгения Онегина». «Вот начало поэмы... — пишет он. — Несколько песен готовы... они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора Кав(казского) пле(тника)». Печатные варианты предисловия к первой главе прозрачно обнажают генетическую связь двух пушкинских героев: «Дальновидные критики... станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающего на Кавказского пленника».

Еще современники Пушкина сближали Онегина, как некогда и демона, с А. Раевским. Такое сближение «является лучшим доказательством замечательно достигнутой Пушкиным... портретности», — справедливо замечает известный пушкинист Д. Д. Благой. В самом деле, среди других героев романа автор ставит Онегина в особое положение. Онегин — приятель поэта (в первоначальной редакции: «Онегин, — близкий мой приятель...»). Пушкин общается с ним сначала в Петербурге, а потом в Одессе. Индивидуальное своеобразие героя и его судьба сближают Онегина с А. Раевским, что, разумеется, не колеблет типической обобщенности характера, а только проливает свет на особенности пушкинского использования живой модели для создания художественного образа.

При создании типического героя времени Пушкин использовал жизненные и литературные впечатления. По признанию поэта, в описании деревенской жизни Онегина отразилась его собственная жизнь в Михайловском. Это подтверждает в своих рассказах о брате и Л. С. Пушкин: «...образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина... — пишет он. — Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки». А вот еще одно замечание тригорского приятеля Пушкина, А. Н. Вульфа, о деревенской жизни Онегина: «...она вся взята из пребывания Пушкина у нас в губернии Тверской».

Использован поэтом и литературный материал: образы произведений Байрона (Чайльд Гарольд, Дон-Жуан),

Б. Констана (Адольф) ¹, Р. Матюрена (Мельмот) ². Пушкинские наблюдения над светской «золотой» молодежью воплотились в Онегине I главы, где рассказано о поверхностном образовании и воспитании героя, светском образе его жизни и повседневном быте. Онегин представлен здесь как «забав и роскоши дитя», типичный светский молодой человек. Вот что Пушкин писал о первой главе романа в предполагаемом предисловии к ней. Она «заключает в себе описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года». Недовольный таким героем, критик-декабрист А. А. Бестужев подчеркивал типичность Онегина: «Я вижу франта, который душой и телом предан моде, вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов».

К Онегину восходят и черты характера знакомых Пушкину лиц: П. П. Каверина, известного бретера, участника кутежей, и вместе с тем образованного человека, друга Вяземского, Грибоедова, приятеля Пушкина; а также и П. Я. Чаадаева. На последнего Пушкин и сам указывал:

Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
(«Евгений Онегин»)

Современные исследователи подчеркивали не только внешнее, но и духовное сходство Онегина с Чаадаевым (разочарованность, критический склад ума, скепсис).

Невозможность реализовать в русской крепостнической действительности высокие духовные силы порождала у некоторых лучших представителей общества разочарование и недовольство, скуку и скепсис, а иногда и бесцельное существование. Эти отличительные качества характерны для передовых людей 20-х гг. XIX в., в том числе и декабристов, таких, как М. Ф. Орлов, А. И. Якубович и др. В стихотворении «К портрету Чаадаева» Пушкин писал:

¹ *Адольф* — герой одноименного романа французского писателя Бенжамена Констана. Этот роман в русском переводе П. А. Вяземского был опубликован в 1831 г. Перевод посвящен Пушкину, высоко ценившему роман.

² *Мельмот* — герой романа «Мельмот-скиталец» английского писателя Роберта Матюрена.

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

Разочарование и скука — удел самых умных и образованных людей николаевской эпохи. «Факт тот, — писал Герцен, — что все мы — более или менее Онегины, раз только мы не предпочитаем быть чиновниками или помещиками».

Ярким представителем молодежи 20-х гг., одним из прототипов Онегина был А. Раевский, восходящий многими чертами к герою романа. Это сходство прежде всего — в складе характера скептика и страдающего эгоиста, разочарованного, порой приносящего зло людям, с которыми его сталкивает жизнь, разрушающего «лучшие надежды и поэтические предрассудки души» язвительным спором и насмешливой улыбкой. Пушкин пишет о «демонической» улыбке Онегина:

Как удавалось уничтожить
Ему соперников своих —
Одной улыбкой...

Уже в I главе вырисовывается характер главного героя, способного, в частности, на игру в любовь и любовные мистификации, жертвами которых оказывались женщины, неискушенные в науке страсти нежной. Это напоминает нам приятеля Пушкина, склонного к мистификациям такого рода. В герое и его основной модели легко заметить и другие черты сходства. Их роднит бесцельное существование, «тоскующая лень» и разъедающая душу скука. Вспомним пушкинскую характеристику Онегина в главе VIII:

Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.
(«Евгений Онегин»)

Правда, Раевский никогда не вел пустой светской жизни. «Бездействие досуга» началось у него после успешной военной службы, а юные годы прошли в деятельности активной, и в этом его отличие от Онегина. Но с пушкинским героем он сближается тем, что не реализовал вполне свои способности, силу ума и образованность в жизни.

На страницах романа происходит испытание героя дружбой и любовью, и как в той, так и в другой сферах он терпит фиаско.

Любопытны, наконец, и хронологические данные, введенные Пушкиным в роман. В примечании к «Евгению Онегину» он писал: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю». Известно, что Пушкин и Онегин расстались в 1820 г. Поэта выслали на юг за политическую лирику, а вскоре к тяжелобольному дяде из Петербурга уехал и его приятель:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.

В 1821 г. состоялась дуэль Онегина с Ленским, а после смерти поэта Онегин отправился в путешествие по России. Пушкин так говорит об Онегине:

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов...

Если в 1821 г. Онегину было 26 лет, то, следовательно, родился он в 1795 г. А это год рождения Александра Раевского¹.

В лирических отступлениях раскрыта дальнейшая история отношений автора и героя. В первоначальной VIII главе («Отрывки из путешествия Онегина»), исключенной Пушкиным из основного текста романа, описана новая после Петербурга встреча героя с Пушкиным. Разочарованный Онегин:

Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной —

вдруг превратился в патриота и захотел увидеть «святую Русь». Он встречается с поэтом в Одессе. За последним стихом «Отрывков из путешествия Онегина»:

Итак, я жил тогда в Одессе...

¹ Впрочем, Пушкин колеблется в выборе возраста героя. Из содержания первых четырех глав можно вывести, что родился он в 1796 г. (См.: Бонди С. Календарь «Евгения Онегина». — В кн.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М., 1957, с. 268—269.)

которым обрывался печатный текст, в черновой редакции было продолжение:

Итак, я жил тогда в Одессе,
Не помнил о потере дней,
Забыв о пасмурном повесе —
Герое повести моей.

Пушкин рассказывал, как судьба снова свела его с Онегиным, который тоже появился в Одессе. Вот как они встретились:

Святая дружба, глас природы,
(Взглянув) друг на друга потом,
Как Цицероновы Авгуры¹,
Мы засмеялись тишком.

И этот эпизод подтверждается календарем «Евгения Онегина». Во время путешествия, которое Онегин начал в 1821 г., он посетил Крым. Пушкин пишет об этом в черновой рукописи:

Три года после вслед за мною
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне,

т. е. Крым Онегин посетил в 1823 г., а потом направился в Одессу, где застал Пушкина, служившего у Воронцова с июля 1823 до июля 1824 г. Они встретились и вскоре расстались, как и Пушкин с А. Раевским:

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвкс(инских) вод.
Судьбы не спят — определили
Они разлуку и поход.

Онегин, очень охлажденный,
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к невским берегам.
А я от милых южн(ых) дам,
От (жирных) устриц
черноморских,

От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Т(ригорских),
В далекий северн(ый) уезд,
И был печален мой приезд.

Наконец, охлаждающее влияние на окружающих, «демоническое начало» в Онегине тоже восходит к Раевскому.

Во II главе романа рассказано о знакомстве и дружбе скептика Онегина с романтиком Ленским. И здесь

¹ Авгуры — жрецы. По словам Цицерона, авгуры, обманывая верующих, при взгляде друг на друга едва сдерживали смех.

объективируются реальные отношения Пушкина с А. Раевским в иную пору их жизни, на юге, на Кавказе и в Одессе. В дружбе Онегина с Ленским и в их ссоре отразились некоторые черты отношений Пушкина и Раевского. Они настолько коротко сошлись в Одессе, что Раевский узнал о любви поэта из собственных его признаний. Пушкин, как доверчивый Ленский, открыл свое сердце другу:

Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

Онегин противопоставлен в романе и Татьяне. В VIII главе романа страстное чувство большой глубины и силы приводит Онегина к Татьяне. Теперь перед нами уже влюбленный герой.

Прежде чем рассказать о влюбленном Онегине в VIII главе романа, Пушкин ту же психологическую ситуацию использовал в стихотворении «Ангел» (1827 г.):

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.
Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал

И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.
«Прости,—он рек,—тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал».

Такова вереница пушкинских героев, подсказанных не только литературой, но и впечатлениями жизни, живыми людьми, среди которых значительное место принадлежит одному из «умнейших» современников Пушкина—Александр Раевскому.

«Друг друга мы любили» — так писал поэт о себе и Н. Раевском в посвящении, предпосланном «Кавказскому пленнику». Первую романтическую поэму он посвятил другу. Брату, Льву Сергеевичу, Пушкин писал о нем: «Ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные».

В тяжелое для Пушкина время перед ссылкой на юг Николай Николаевич был одним из ближайших и самых любимых его друзей. Искреннее участие Раевского смиряло тревожное настроение поэта и приносило ему душевный покой. В посвящении поэт взволнованно писал:

Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шепот клеветы внимал со всех сторон¹,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил;
Я сердцем отдыхал...

«Пушкина соединяла с Раевским не только сердечная приязнь, но и общность литературных интересов, которые были сильно развиты во всем семействе Раевских», — писал литературовед Л. Майков².

¹ В дни гонения за политическую лирику, когда мнимые друзья отвернулись от поэта и даже стали распространителями злобной клеветы о нем, Пушкин увидел истинных своих друзей. Среди них, кроме людей старшего поколения: Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, — были лицейские товарищи, П. Я. Чаадаев и Николай Раевский.

² Л. Н. Майков — русский литературовед, автор книги: Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.

Н. Н. Раевский -
младший.
Художник неизвестен.
1821 г.

Н. Н. Раевский родился 14 сентября 1801 г. в Москве. Как все дети в семье Раевских, Николай «получил домашнее воспитание, по тогдашнему времени, очень тщательное». Вместе со старшим братом он учился в Московском университетском пансионе, где изучал артиллерию, фортификацию, теорию военного дела, математику, физику и механику. Вместе с военными преподавались здесь и гуманитарные предметы. По желанию воспитанники готовились не только для военной, но и для гражданской службы и научной деятельности, поэтому в программу входило изучение русской и всемирной истории, мифологии и словесности, музыки и живописи, русского и иностранных языков. В формуляре Раевского записано: «По-русски, по-немецки, по-французски читать и писать умеет...» В пансионе зародилась у Николая Николаевича и любовь к литературе, началось формирование литературного вкуса. Все это скрепляло позже его тесную дружбу с Пушкиным.

Н. Н. Раевский хотел видеть сыновей военными людьми. Когда Николаю не было еще 10-ти лет, он числился уже подпрапорщиком в Орловском пехотном полку. Отечественная война принесла славу юному герою. В сражении под Дашковкой-Салтановкой одиннадцатилетний Николай вместе с отцом и братом вдохновлял солдат на сражение с французскими войсками. Отец с гордостью писал о нем: «Николай даже под сильным огнем только шутил». После боя Николай Николаевич спросил сына: «Знаешь ли ты, зачем я водил тебя с собой в дело?» — «Знаю, отец, для того чтобы мы умерли вместе», — отвечал 11-летний воин».

Н. Раевский участвовал во многих решающих сражениях Отечественной войны и дошел в рядах русской армии до Парижа. В 1814 г. Николай Николаевич был переведен в лейб-гвардии гусарский полк, размещившийся в Царском Селе. Здесь Н. Раевский познакомился с Пушкиным. С той поры началась их многолетняя дружба, которой суждено было стать не только фактом биографии поэта, но и оставить свой след в его творчестве.

В 1820 г. Н. Раевский предложил Пушкину путешествие к Кавказским водам. От Таганрога и Ростова путешественникам открылись земли донских казаков, овеянные легендами и песнями о Степане Разине. Именно в этих местах вспыхнуло крестьянское восстание под ру-

ководством Разина и сохранилась память о нем. В этой поездке у Пушкина возник замысел поэмы о Степане Разине. С увлечением Пушкин и Раевский слушают предания и песни о Степане Разине, собирают исторические известия о народном герое. Раевский мечтал написать историю донских казаков. Ему хотелось на месте восстания собрать и записать разинский фольклор. И позже, по словам С. А. Соболевского, он «сбирал все, что было писано о Разине, и намеревался писать историю его разбойничьих подвигов». Здесь друзья натолкнулись на драгоценные залежи народной поэзии о легендарном герое.

Пушкин был глубоко благодарен Н. Раевскому за то, что он вывез его, больного, из Екатеринослава и одарил новыми яркими впечатлениями. Кавказские впечатления всякий раз соединяются в стихах Пушкина с воспоминаниями о друге:

Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души младые впечатленья...
(«Кавказский пленник». *Посвящение*
Н. Н. Раевскому)

Е. Орлова рассказывала, что на обратном пути с Кавказа Николай «как-то повредил себе ногу, и это было поводом остановки путешественников в Гурзуфе». Здесь неразлучно с Н. Раевским Пушкин провел три недели. В Гурзуфе с помощью Раевского Пушкин изучал английский язык и читал в подлиннике Байрона, от которого, по его словам, он «с ума сходил». Друзья с наслаждением читали и обсуждали прочитанное. В Гурзуфе сложилось у Пушкина представление о поэзии Байрона: «мрачной, богатырской, сильной». Среди южной природы Пушкина пленяли поэтические панорамы Байрона. В Гурзуфе он с увлечением читал сочинения французского поэта А. Шенье. Томик его стихотворений Н. Раевский нашел в библиотеке Ришелье (хозяина дома, где жили Раевские) и предложил Пушкину. Позже свою элегию «Андрей Шенье» поэт посвятил другу.

В начале сентября Пушкин и Раевские, отец и сын, оставили Гурзуф и поехали по Крымскому побережью в Бахчисарай. Здесь осмотрели они дворец ханов и знаменитый «фонтан слез», с которым связана крымская легенда, впервые услышанная Пушкиным в семье Раев-

ских. Еще в Петербурге крымское предание полюбилось поэту. Н. Раевский, видимо, хотел, чтобы он написал поэму на этот сюжет. И Пушкин исполнил желание друга. В рукописи «Бахчисарайский фонтан» посвящен Н. Н. Раевскому:

Исполню я твое желанье,
Начну обещанный рассказ.
Давно печальное преданье
Ты мне поведал в первый раз.
Тогда я грустью омрачился —
В унылы думы углубился;
Но ненадолго юный ум

Забыл веселых оргий шум.
О возраст ранний и живой,
Как быстро легкой чередой
Тогда сменялись впечатленья:
Восторги — тихую тоской,
Печаль — порывом упоенья!

О своих впечатлениях от дворца ханов Пушкин рассказал в письме к А. А. Дельвигу: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет... Н. Н. (Раевский. — *Н. Л.*) почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема».

Друзья доехали до Симферополя и здесь расстались: Пушкин отправился к месту службы в Кишинев, а Раевские — в Каменку. В Кишиневе была написана поэма «Кавказский пленник»:

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.

После путешествия на Кавказ и в Крым друзья виделись уже реже. С конца 1823 г. у Николая Николаевича началась служба с новыми назначениями и частыми переводами с места на место.

В июле 1824 г. Пушкина выслали из Одессы. Новая ссылка снова надолго разлучила друзей. Живая беседа сменяется теперь письмами. Переписка между ними была, вероятно, более обширной, но не все письма сохранились. Известны только два черновых наброска писем Пушкина к другу по поводу «Бориса Годунова». Летом 1825 года, создавая народную драму «Борис Годунов», Пушкин хотел поделиться с Н. Раевским своими мыслями о трагедии. Он написал ему письмо, которое так и осталось неотправленным, потому, видимо, что Пушкин не

знал адреса друга. Годом позже Екатерина Николаевна писала брату Николаю о том, что «он (Пушкин. — Н. Л.) спрашивает у меня твой адрес, чтобы тебе написать. Он окончил свою трагедию «Борис Годунов», о которой говорят, что это прекраснейшее поэтическое произведение».

Позже, в январе 1829 г. Пушкин пишет второе письмо к Раевскому о «Борисе Годунове». Вместе с теоретическими соображениями Пушкина о трагедии здесь очерчены характеры действующих лиц: «Вот моя трагедия, раз уж вы непременно хотите ее иметь...» Пушкин просит друга сохранить это письмо: «...оно мне понадобится, если черт меня попутает написать предисловие». Дошли до нас и три письма Н. Раевского к Пушкину. Одно из них Н. Раевский отправил в Михайловское вскоре после высылки поэта из Одессы. Оно проникнуто сердечным теплом и искренним участием. Раевский утешает друга, заражая своей уверенностью, что его михайловское «зачтение — первый шаг к окончанию ссылки». Письмо согрето глубокой дружбой. «Не бойтесь меня скомпрометировать; моя дружеская связь с Вами началась гораздо раньше вашей несчастной истории; она не имеет отношения к событиям, происшедшим потом». Раевский обещает навестить Пушкина и, если положение поэта переменится, просит его приехать. Неизменной любовью к Пушкину продиктован и конец письма: «Прощайте, дорогой друг, сохраните для меня всю ту дружбу, какую и раньше мне выказывали, пусть не повлияет на нее наша разлука, какой бы долгой она ни была». Служба Раевского сделала эту разлуку неизбежной. Горячее желание увидеть Пушкина и обещание приехать к нему остались неосуществленными.

Осенью 1826 г. началась война России с Персией. Нижегородский полк, которым командовал Раевский, выступил в поход. В ту пору проявилось военное дарование Раевского. Командир был для солдат образцом личной храбрости. В самых горячих боях, во всех решающих атаках на неприятеля Раевский был впереди полка. В военных битвах он следовал наказу отца. «Отец... в своих письмах дал ему целый ряд советов, как быть настоящим командиром. Их можно изложить так: 1. Во всех случаях покажи себя достойным военным человеком, будь всегда готов к бою, презирай опасность, но не подвргай себя оной из щегольства. 2. Будь деятелен, испол-

нителен, не откладывая до завтра того, что можешь исполнить нынче; старайся все видеть своими глазами. 3. Избегай фамильярности со старшими, будь ласков, учтив и с подчиненными. 4. Бойся опасной праздности, не будь ленив ни физически, ни морально. Расширь свой кругозор путем непрерывного самообразования. 5. Будь тверд, терпелив, нетороплив, а уже обдумав — исполняй решительно»¹.

Нижегородский полк отличился во многих битвах и особенно при Джеван-Булахе. За сражение Николай Николаевич получил высокую награду — орден Георгия IV степени.

В феврале 1828 г. был заключен Туркманчайский договор. Кончилась война с Персией. А вскоре, 14 апреля 1828 г., началась война с Турцией. Раевского назначили командиром сводной кавалерийской бригады. Он принял участие в штурме турецкой крепости Карс. Захват сильно укрепленной и труднодоступной крепости определил успешный ход всей кампании. Раевский был удостоен звания генерал-майора.

После ссылки Пушкин мечтает о поездке на Кавказ в действующую русскую армию, чтобы повидать друга Николая Раевского, брата Льва Сергеевича и некоторых декабристов. Пушкину хотелось из уст участников движения услышать о событиях 14 декабря. Встреча Пушкина с Раевским произошла в лагере русских войск, расположившихся на берегу реки Каречая. «На обеде у Раевского Пушкин встретил декабриста генерала И. Г. Бурцова (после заключения в крепости его перевели на Кавказ). Вечером в день приезда поэта русская армия двинулась вперед. В штабе среди собравшихся он увидел «нашего Вольховского (лицейского товарища поэта. — *Н. Л.*), запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время, — замечает Пушкин, — побеседовать со мною, как старый товарищ». И друзей — декабристов, сосланных на Кавказ. «Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем, как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменялись! Как быстро

¹ Почко Н. Генерал Раевский. М., 1971, с. 10.

уходит время!.. Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке». 14 июня 1829 г. Пушкин наблюдал сражение отборных частей турецкой конницы и делибашей (удальцов-головорезов) с казаками. Эту картину боя Пушкин запечатлел в стихотворении «Делибаш».

Перестрелка увлекла в бой и поэта. С пикой убитого казака, в круглой шляпе и бурке ворвался он в нашу передовую цепь, направлявшуюся на турецкую конницу. Декабрист майор Н. Н. Семичев, приставленный к нему Раевским, «едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину..., устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев пред собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца муз на Кавказе». От Раевского «он не отставал... при битвах с неприятелем», а иногда был необходимым его помощником. «Так было, между прочим, в большом Саганлугском деле. Мы... занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника: — это был Пушкин... Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому». «Лагерная жизнь очень мне нравилась, — вспоминал поэт. — Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров... Общество наше было разнообразно».

Начатый с Николаем Николаевичем в письмах разговор о трагедии можно было вести теперь в живой беседе. В рукописи Пушкин читал друзьям «Бориса Годунова». В это же время Пушкин рассказывал друзьям о возможном продолжении романа в стихах: «Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

В Нижегородском полку из людей, близких генералу Раевскому, кроме Льва Пушкина и разжалованных декабристов — И. Г. Бурцова, Н. Н. Семичева, З. Г. Чернышева, оказался и переведенный сюда прапорщик Молчанов, пострадавший за распространение элегии Пушки-

на «Андрей Шенье», посвященной Н. Н. Раевскому. На дружеских сходках бывали и декабристы. М. Пушкин вспоминал «живые разговоры с Пушкиным, Раевским и Сакеном... за стаканами чая» у себя или в палатке Раевского.

Из учебника по истории вы знаете, что турецкие войска были разбиты, началось движение к Арзруму. 27 июня русские войска захватили турецкую крепость. Раевский поехал в город, с ним отправился и Пушкин. Пушкин проделал весь поход вместе с Раевским и почитал себя прикомандированным к Нижегородскому полку.

Из армии Пушкин отправился в Тифлис. Самовольная поездка поэта в Арзрум вызвала недовольство царя, который через Бенкендорфа потребовал от Пушкина объяснение, по чьему позволению предпринял он «сие путешествие». Пушкин вынужден был написать оправдательное письмо: «По прибытии на Кавказ, — писал он, — я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис... Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника».

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин обессмертил своего друга. Беглые зарисовки начальника сводной кавалерийской бригады русской армии очень выразительны. Раевский — настоящий герой, человек храбрый и рассудительный. Он захвачен войной не только в походах, но и в минуты отдыха, на коротких привалах. В палатке Раевского молодые генералы обсуждали за обедом план предстоящих сражений. Иногда сам генерал вел беседы с подчиненными.

Вдумчивость и распорядительность — отличительные черты военачальника Раевского. Человек беспредельной храбрости, Раевский всегда в самых опасных местах боя, всегда впереди своего Нижегородского полка: то в сражениях с турецкой конницей, то в преследовании отступающего врага.

Раевский не скрывал дружеских чувств к декабристам. Он постоянно заботился о них, приглашал их на свои обеды, часто вел с ними беседы на иностранных языках. Об этом стало известно в Петербурге. Все это послужило поводом для обвинения генерала в «предосудительных» сношениях с декабристами и покровительстве им. Царь сделал Раевскому строжайший выговор и приказал арестовать его домашним арестом на восемь дней. Раевский был лишен заслуженных наград и отстранен от должности. Два года продержали его при сдаче полка.

Пушкин знал о грозе, разразившейся над головой Раевского, и хотел поддержать его при личной встрече. Он просил Бенкендорфа в марте 1830 г. разрешить ему съездить в Полтаву, если Николай Раевский приедет туда. На просьбу последовал царский отказ.

Встречались Пушкин и Н. Н. Раевский и позже, в 30-е годы.

Зимой 1834 г. Николай Раевский жил в Петербурге и, очевидно, нередко виделся с Пушкиным. Приятель Раевского как-то посетовал, что не знаком с поэтом и никогда его не видел. Раевскому захотелось доставить ему удовольствие, и он запиской попросил Пушкина зайти к нему в гостиницу. С увлечением рассказывал поэт об Отечественной войне 1812 г. и о народных восстаниях в России. «Он занят был в то время историею Пугачева и Стеньки Разина.. Он принес даже с собою брошюрку на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани, представлялся к нему, и потом был очевидцем казни его».

О смерти друга Николай Николаевич узнал лишь в марте 1837 г. «Милостивый государь! — писал он отцу поэта. — Я только что узнал о несчастье, которое вас постигло. У меня нет другого утешения для вас, кроме предложения разделить ваше горе. Пожалуйста, напишите о себе, об Александре, о его семье. Я нахожусь в полной неизвестности о том, что произошло».

20 апреля 1837 г. Сергей Львович получил письмо Раевского. «Только сейчас, милостивый государь, получил я, к своему утешению, письмо ваше от 5-го марта. Вот причина столь долгого моего молчания по отношению к другу моего несчастного сына, другу, чьею дружбою он гордился, и который имеет право на мою собственную

благодарность и мою истинную привязанность». Отец поэта признавался, что не в состоянии сообщить подробно сти трагической гибели сына.

После смерти Пушкина в Одессе Раевского посетил поэт Жуковский. В тот же день Николай Николаевич обедал у него и «много говорил о Пушкине».

Человек редкого обаяния, увлекательный собеседник, веселый и остроумный, он отличался широким кругом интересов. Многогранны его научные занятия. Раевский великолепно знал ботанику. Любовь к ботанике долгие годы связывала Николая Николаевича со знаменитым Ф. Б. Фишером, директором Ботанического сада в Петербурге, членом-корреспондентом императорской Академии наук. В архиве Раевских сохранилась многолетняя их переписка, а также письма Х. Стевена, известного ботаника и энтомолога, доктора медицины, который выращивал в Крыму новые акклиматизированные породы деревьев и растений.

Н. Н. Раевский —
младший.
Рисунок
И. К. Айвазовского.
1840 г.

После выхода в отставку Раевский занялся хозяйственными делами, и сам разводил сады в своих крымских имениях Тессели и Карасане. Страстный любитель садоводства, он состоял членом естественнонаучных обществ и был основателем Московского общества садоводства.

Раевский любил историю и усердно занимался ею. Он с увлечением собирал все, что было написано о Степане Разине, намереваясь написать историю восстания донских казаков. Ему удалось найти много интересных материалов, несколько редких сведений и документов. Но замысел так и остался неосуществленным.

Его интересовала история отношений России с Азией и Персией. И он задумывал исследование о торговых и дипломатических отношениях России с Персией. В бумагах генерала сохранилась составленная им обширная библиография.

Николай Николаевич страстно увлекался нумизматикой. Академия наук получила от него в дар медали, найденные на Черноморском побережье. Родные старались пополнять нумизматическую коллекцию Николая Николаевича. Отец посылал ему «медали или деньги древние», найденные в земле Калужской губернии.

Раевский был горячим поклонником искусств, страстно любил литературу, музыку, живопись и сам писал стихи. Он был чутким и тонким ценителем изобразительного искусства и хорошо рисовал.

Очевидно, увлеченность Раевского живописью способствовала его сближению с молодым И. К. Айвазовским, охотно принимавшим участие в военных операциях под командованием генерала.

С детства больше других искусств Раевский любил литературу. Он отличался редкой начитанностью. «...Читал уже и Вальтера Скотта и Байрона в то время, когда их, особенно последнего, почти не знали наши даже записные литераторы». Он не расставался с книгами в самые трудные моменты жизни. Смертельно больной, он просит старшего брата купить ему рублей на 500 книг, в особенности комедий... Во время болезни днем и ночью заставлял он читать исторические книги и «рассказывать ему разного рода басни и сказки». Его письма пестрят просьбами выслать или вернуть ему книги: «Я забыл выполнить два поручения моего полковника. Пожалуй-

ста, возьмите у Браницкой «Историю» Карамзина и уприте от моего имени княгиню Воронцову одолжить мне «Думы», «Войнаровского», «Чернеца» и «Онегина». Иногда покупает он книги и Пушкину: «Вот последние стихотворения Делавиня¹ для Пушкина. У меня нет времени ему написать». Несколько книжек русских сказок посылает он поэту с Горчаковым в Кишинев. Книголюб Раевский собрал богатую библиотеку. Во время военных действий на Кавказском побережье молодой генерал не расставался с нею. Библиотека Раевского вызвала восхищение и зависть товарищей. Один из них, Филиппен, рассказывал, что зиму 1840 г. он провел «...особенно приятно... с книгами большой библиотеки г. Раевского. Там были латинские и греческие классики, конечно, во французском переводе, и очень много старых и новых сочинений о Кавказе». Большую часть редких досугов Николай Николаевич с наслаждением отдавал чтению.

Раевский преклонялся перед гением Пушкина. Прочитав отрывок из «Цыган» в «Полярной звезде», Раевский восторженно писал поэту, что отрывок вместе с продолжением «является, может быть, самой живой картиной, полной великолепнейшего колорита, какую я когда-либо встречал на каком бы то ни было языке. Bravo, bravissimo!». В его оценках произведений Пушкина виден прекрасный литературный вкус и тонкое критическое чутье. Он высоко ценит «простой и естественный язык «Цыган» и «Братьев разбойников». Его собственные литературные оценки художественных произведений часто сближаются с пушкинскими. «Ваш «Кавказский пленник», хоть его и нельзя назвать хорошим произведением, открыл дорогу, на которой споткнется посредственность. Я отнюдь не поклонник длинных поэм; но отрывки такого рода требуют всего богатства поэзии, крепкой обрисовки характера и положения». Пушкин тоже считал первую романтическую поэму неудачной. «В самом деле, недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно,

¹ Делавинь Казимир (1793—1843) — французский поэт и драматург либерального направления. В своем драматургическом творчестве пытался примирить классиков с романтиками. За напечатание четверостишия Делавиня, посвященного жертвам Июльской революции 1830 г., был отстранен от редактирования «Литературной газеты» А. А. Дельви́г, а издание газеты приостановлено.

так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Простота плана близко подходит к бедности изобретения...» Недовольный и следующей поэмой «Братья разбойники», Пушкин сжег рукопись. Но один отрывок, переданный Раевскому, уцелел. Простота слога в нем очень нравилась другу. Вспомним, что и сам автор достоинство «Братьев разбойников» видел в слоге поэмы: «...но, как слог, я ничего лучше не писал». Сходны их оценки лучших произведений литературы. Раевский одобритительно отзывался о местном колорите «Войнаровского», но вместе с тем отмечал и недостатки поэмы Рылеева. Значительно выше «Войнаровского» ставил он отрывки о «Наливайке». Как и Раевскому, Пушкину нравилась «Исповедь Наливайки».

Раевский безгранично любил Пушкина-поэта, он был для него непререкаемым литературным образцом и авторитетом, и Пушкин это знал. В свою очередь и Раевский долго оставался литературным советником Пушкина. Поэт считался с его мнениями, прислушивался к его замечаниям. Именно с ним делится Пушкин планом своей трагедии, только для него нарушает молчание о «Борисе Годунове». Когда Вяземский спрашивал о плане трагедии, Пушкин ему ответил: «Ты хочешь плана? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том, вот тебе и план». Но Раевскому он сообщает план «Бориса Годунова». «Спасибо за план вашей трагедии, — писал Николай Николаевич. — Что сказать вам о нем? У вас блестящие замыслы, но вам не хватает терпения, чтобы осуществить их». «Если же говорить о терпении, то я хотел бы, чтобы вы сами обратились к источникам, из которых черпал Карамзин, а не ограничивались только его пересказами. Не забывайте, что Шиллер изучил астрологию, перед тем как написать своего «Валленштейна». Этот совет друга не противоречил собственным намерениям Пушкина. В дальнейшей работе над трагедией он не ограничивался одним только Карамзиным. Предвидение Раевским роли «Бориса Годунова» в развитии русской драматургии оказалось пророческим: «Итак, вам будет суждено проложить дорогу и национальному театру... я заранее предвижу огромное значение ее для нашей литературы; вы вдохнете жизнь в наш шестистопный стих, который до сих пор был столь тяжеловесным и мертвенным; вы наполните диалог движением, которое

сделает его похожим на разговор, а не на фразы из словаря, как бывало до сих пор. Вы окончательно утвердите у нас тот простой и естественный язык, который наша публика еще плохо понимает, несмотря на такие превосходные образцы его, как «Цыганы» и «Разбойники». Вы окончательно сведете поэзию с ходуль».

В поэмах Пушкина Раевский ценил богатство поэзии, мастерскую обрисовку характера и положений, быстроту изложения и простой естественный язык. Его «литературные суждения, — справедливо отмечал Майков, — ...довольно резко выделялись из господствовавших в ту пору мнений».

Творчество ссыльного Пушкина теснейшим образом связано с Н. Н. Раевским. Ему посвящены «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» в рукописи и элегия «Андрей Шенье». Таким образом, стихи поэта: «Тебе я посвятил изгнанной лиры пень И вдохновенный свой досуг» («Кавказский пленник». Посвящение Н. Н. Раевскому) — приобретают буквальный смысл.

После совместного путешествия по югу Пушкин остается в кругу интересов, разделяемых Н. Раевским. В Михайловском любимым исторический герой Раевского — Степан Разин — захватил Пушкина творчески. Он просит брата: «Ах! боже мой, чуть не забыл! Вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». От няни поэт услышал и записал новые песни о Разине: «Как на утренней заре Вдоль по Каме, по реке», «Песню о сыне Стеньки Разина». Среди записанных Пушкиным народных песен снова встречаем песни о Степане Разине: «У нас-то было, братцы, на тихом Дону», «На заре было, братцы, на утренней». В 1826 г. Пушкин вдохновенно создал три песни о Разине: «Как по Волге-реке, по широкой...», «Ходил Стенька Разин...», «То не конский топ, не людская молвь...». Он хотел напечатать их в «Северных цветах»¹, но цензура не пропустила песни. Верховный цензор Пушкина через Бенкендорфа отвечал поэту: «Песни о Стеньке Разине», при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны

¹ «Северные цветы» — альманах, издававшийся Дельвигом (1825—1831). После смерти Дельвига Пушкин издал «Северные цветы на 1832 год».

к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева».

Воспоминаниями о любимом французском поэте, стихи которого с наслаждением читали друзья в Гурзуфе, навеяна элегия «Андрей Шенье».

Н. Н. Раевский умер в 1843 г., не достигнув 42-х лет. Но творчество великого русского поэта, гениального друга, продлило его жизнь в веках.

«Женщина необыкновенная». С именем Екатерины Николаевны Раевской связаны многие произведения поэта. Современники говорили, что она покоряла людей твердым, независимым характером и прямотой слова. Кишиневские друзья ее мужа, декабриста М. Ф. Орлова, за эти качества шуточно называли ее «Марфой-посадни-

Е. Н. Раевская.
Художник
Лагрене.

цей». Но с сильным характером в ней соединялись душевная мягкость, чувствительность и доброта. Самоотверженно заботилась она о родителях, братьях и сестрах, приходила им на помощь в моменты самых трудных житейских испытаний. Это она посылает деньги и часы арестованным по делу декабристов братьям. Единственная в семье, она сочувствовала желанию младшей сестры Марии уехать в Сибирь к мужу С. Г. Волконскому. Она просила брата Александра «сдержаться» и не препятствовать ей: «Ее сын найдет покровительство и поддержку, — писала она ему в мае 1826 г., — ее же муж (ни от кого) не может надеяться на жалость и утешение, кроме нее». Она верит, что Мария Николаевна «сможет еще найти счастье в своей преданности к мужу, в выполнении своих обязанностей по отношению к нему». В другом письме брату она признается: «Ничто не удержало бы меня на месте Марии — поехать за мужем я считала бы своим первым долгом» (август 1826 г.).

Как все Раевские, Екатерина Николаевна была прекрасно образованна: в совершенстве знала она французский и английский языки, с детства отличалась начитанностью и горячей любовью к литературе. Сильно развитое поэтическое чувство и воображение, хороший художественный вкус сделали ее тонкой ценительницей замечательных произведений русских и иностранных авторов. До нас дошли два отзыва Е. Раевской о произведениях Пушкина. Они обнаруживают независимость от чужих мнений и объективность ее литературных суждений и оценок.

Он (Пушкин.—*Н. Л.*) только что кончил оду на Наполеона¹, — пишет она брату Александру, — которая, по моему скромному мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав ее частью один раз (письмо Александру Раевскому, ноябрь 1821 г.).

8 декабря 1822 г. она снова писала брату: «Посылаю тебе письмо, кажется, от Пушкина... Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончать. Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона». Это, конечно, «Братья

¹ Стихотворение «Наполеон» (1821) первоначально называлось «На смерть Наполеона».

разбойники», отрывок незавершенной поэмы Пушкина о разбойниках.

Екатерина Николаевна прожила долгую жизнь (1797—1885). Я. Грот¹, автор книги «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», еще застал ее в живых и познакомился с нею. Он почерпнул из бесед с Е. Н. Орловой ценные сведения о Пушкине, ее отце, муже и братьях, опубликованные им в книге. И в свои старческие годы она производила все еще сильное впечатление: «Эта замечательная женщина, — писал Грот, — сохраняет... всю свежесть своего живого ума, ясность души и приветливость общительного нрава; она по-прежнему следит за литературой, и то, что пишется о Пушкине, не ускользает от ее внимания».

Е. Н. Раевская-Орлова оставила значительный след в творчестве Пушкина. С ее именем связан цикл южных романтических произведений поэта. Известный пушкинист Б. В. Томашевский относил к этому циклу крымскую элегию «Редеет облаков летучая гряда...», стихотворение «Увы, зачем она блистает...», заключительные стихи «Бахчисарайского фонтана» («Я помню столь же милый взгляд...»). И любовь, и лирические отзвуки ее Томашевский ограничивал только югом. «Позже Пушкину уже невозможно было вернуться к романтическим настроениям 1822 г. Кончилась, по-видимому, и сама любовь». Однако поэтические отзвуки крымской любви продолжались и позже в творчестве Пушкина. Цикл стихов, посвященных Е. Раевской-Орловой, может быть пополнен. За романтической идеализацией любимой женщины в южной лирике и «Бахчисарайском фонтане» следуют воспоминания о пережитом, более объективное изображение ее душевного склада и новое обращение к ее образу в произведениях после восстания декабристов.

В 1821 г. она стала женой декабриста М. Ф. Орлова. В связи с событиями 14 декабря М. Ф. Орлов был арестован в Москве и привезен в Петропавловскую крепость. В январе 1821 г., когда «Союз благоденствия» был распущен, он вышел из его состава, но в Южное общество не вступил. В восстании 14 декабря Орлов участия не принимал. Заступничество брата, А. Ф. Орлова, активно

¹ Я. К. Грот — автор исследований по русской литературе: о И. А. Крылове, В. А. Жуковском и др.

подавлявшего восстание декабристов и пользовавшегося расположением царя, благоприятно решило судьбу Михаила Федоровича: его выслали в деревню Милятино, Калужской губернии, под надзор полиции с обязательством жить там безвыездно.

Чувство Пушкина к Е. Раевской, зародившееся в Петербурге, жило в душе поэта и на Кавказе:

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой...
(«Руслан и Людмила». Эпиграф)

Он был сосредоточен на своем живом и сильном чувстве. Им проникнута элегия «Погасло дневное светило...». Впервые Пушкин упоминает о ней в письме к брату: «...морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в Юрзуф, где находилось семейство Раевского.

Е. Н. и М. Ф. Орловы.
Рисунок
А. С. Пушкина.
1829 г.

Ночью на корабле написал я элегию, которую тебе присылаю». Элегия напечатана в «Сыне отечества»¹, по желанию автора, без подписи, с заведомо неверной датой: «Черное море, 1820 сентябрь».

Сам же поэт признавался, что элегия написана на корабле, когда он плыл из Феодосии в Гурзуф ночью 19 августа. В Керчи для морского путешествия в распоряжение генерала дали военный бриг «Мингрелия». На нем Раевские и Пушкин плыли до Гурзуфа. «По словам одной из спутниц (М. Н. Раевской. — *Н. Л.*), в ночь перед Гурзуфом Пушкин расхаживал по палубе в задумчивости и что-то бормотал про себя». Поэт сочинял элегию «Погасло дневное светило...».

Пушкинисты отмечали трудно поддающиеся объяснению стихи элегии:

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Вспоминаньем упоенный...

.....
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...

С берегами Крыма, которые Пушкин впервые видит, он связывает свои любовные воспоминания. Это место казалось неясным.

Имя Екатерины Николаевны снимает эту неясность. Пушкин всю ночь не спал, с волнением приближаясь к Гурзуфу, где находилась вдохновительница элегии, девушка, которую он полюбил еще до отъезда на юг. Поэтому впервые увиденное место пробуждает воспоминание о прежней любви к ней. Это воспоминание рождает «слезы вновь», вызывает привычные любовные волнения:

Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает..
(«Погасло дневное светило...»)

В Гурзуфе «посреди семейства почтенного Раевского» Пушкин провел три недели, «счастливейшие минуты в

¹ «Сын отечества» — еженедельный журнал, издаваемый Н. И. Гречем в 1812—1840 гг.

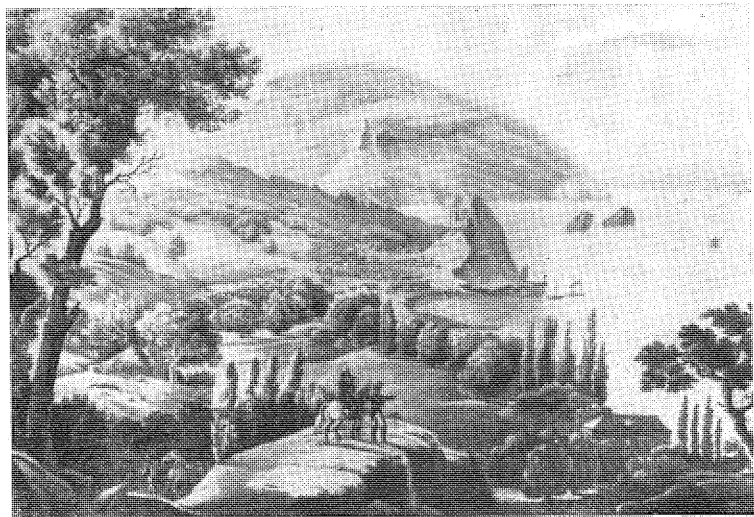
своей жизни». Поэт называл Крым «прелестным краем» и особенно любил Гурзуф. Вот что рассказывали об этом живописном уголке знатоки края. «Горы небольшим полукругом облегают тамошнее море. С севера загораживает Чатырдаг, с востока Аюдаг заслоняет от палящих лучей солнца; оттого в Гурзуфе такой превосходный, умеренный климат и такая роскошь растительности. Одна скала поднимается над самым домом, где жил Пушкин. Гурзуф расположен на скате». «...Сама Швейцария едва ли представляет такое разнообразие видов, такую роскошь в произрастаниях, такую ясность неба и зелени — сверх того украшенные, дополненные грозным океаном... со всеми изменениями своих цветов...»

«Лучшая дача... принадлежала тогда бывшему одесскому генерал-губернатору герцогу Ришелье. Это был довольно большой двухэтажный дом, с двумя балконами, один на море, другой в горы, и с обширным садом. Кругом и ближе к морю разбросана татарская деревушка». Годами дом этот пустовал. Сам хозяин бывал в нем только дважды — в 1811—1812 гг. В летние же месяцы

Вид Гурзуфа.

Художник К. И. Рабус.

Справа дом Ришелье, где жил Пушкин с Раевскими. 1828 г.

в нем жили путешественники, знакомые герцога. По словам его посетителей, этот двухэтажный «воздушный» замок, неудобный и безвкусно построенный, «весь состоял из лестниц и галерей, кроме двух или трех маленьких комнат внизу, выделенных в середине здания...» В нем и разместились Раевские. «Виды с балкона дома... на горы и особенно на очаровательный залив, служащий лучшим местом купаний на южном берегу, выше всякого описания».

Татарская деревушка с узенькими улочками, с глиняными саклями, окруженными садами, славилась своими кипарисами, «...в особенности один экземпляр этого дерева, едва ли не современника первого приобретателя дачи, дюка де Ришелье, по необыкновенному росту можно назвать первым на южном берегу: сверху донизу он густо покрыт ветвями, так что исключительно заслуживает названия «темного» кипариса. Все аллеи окаймлены редкими стелющимися цветами, розами, лаврами, миртами».

В Гурзуфе, вспоминала М. Н. Волконская, Пушкин выделял старшую из сестер Раевских, с ней он «особенно любезничал» и «спорил о литературе». Ему были дороги ее замечания и литературные оценки. Николай Раевский и Пушкин выбрали для чтения том сочинений Байрона... В тех случаях, по словам Екатерины Николаевны, «когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к ней за справкой».

В Гурзуфе Пушкин общался только с Раевскими. У нас нет никаких сведений о том, что он встречался в Крыму с молодыми женщинами, не принадлежащими к семье генерала. В Крыму чувство поэта к Екатерине Николаевне пробудилось с новой силой. В «Отрывках из Путешествия Онегина» Пушкин признавался:

А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

В Гурзуфе написана элегия «Увы, зачем она блистает...». Пушкин посвящает стихотворение серьезно больной в то время Екатерине Николаевне:

Она приметно увядает
Во цвете юности живой...

Элегия проникнута глубоким чувством поэта:

Спешу в волнение дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее.

Но разлука была неизбежной. Е. Раевской посвящено и стихотворение «К***»:

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?

День расставания поэт называет «днем страдания». 5 сентября вместе с генералом Раевским и его сыном Николаем Пушкин выехал из Гурзуфа. 8 сентября они посетили ханский дворец (хан-сарай), видели «фонтан слез», «Сельсебиль» (райский источник). Из Бахчисарая Пушкин и его спутники приехали в Симферополь. Вероятно, Пушкин ездил с Раевскими, отцом и сыном, и в имение их родственников Бороздиных «Саблы», где продолжала свой отдых С. А. Раевская с дочерьми. Это имение находилось в 15 верстах от Симферополя. Расставшись с Раевскими, поэт отправился к месту своей службы в Кишинев.

В конце ноября 1820 г. Пушкин встретил Раевских в Каменке. Здесь на берегу Тясмина были созданы элегия «Редет облаков летучая гряда...», стихотворение «Нереида» и черновой набросок первой строфы стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...». Крымские впечатления в этих стихотворениях сливаются с женским образом.

Златой предел! любимый край Эльвины,
К тебе летят желанья мои!
Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум — и красные долины..
(«Кто видел край, где роскошью природы...»)

«Увядавшие равнины», «дремлющий залив», «черных скал вершины» (в стихотворении «Редет облаков...». — Н. Л.) — это пейзаж Каменки. Здесь, найдя на небе зна-

комую звезду, Пушкин вспомнил Гурзуф и «полуденные волны» (в рукописи — «таврические») и «деву милую»:

Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.
(«Редеет облаков летучая гряда...»)

Только что написанные в Каменке стихи были известны в кругу друзей. Екатерина Николаевна читала и элегию, и другие стихотворения Пушкина.

В трех заветных для Пушкина стихах рассказывалось о Екатерине Николаевне, и поэт не хотел предавать их печати¹.

После Гурзуфа и Каменки Пушкин встречался с Екатериной Николаевной в Кишиневе, Киеве, Одессе, Москве и, вероятно, в Петербурге. Одна из их встреч произошла в начале 1821 г. в Киеве, куда Пушкин приехал с братьями Давыдовыми на «контракты» (ежегодную зимнюю ярмарку). Он жил у Раевских. Гости и родные узнали в это время, что Екатерина Николаевна приняла предложение М. Ф. Орлова выйти за него замуж. В лирике Пушкина 1821 г. вновь появляются стихи, посвященные Е. Н. Раевской. Но теперь ее характеристика менее идеализированная:

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном, и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.
(«Красавица перед зеркалом»)

Хитрый взор, вместо «милого», «волшебного», более точно передает характер гордой красавицы.

Стихотворение «Дева» представляет собой как бы реплику из дружеского диалога:

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал: она сердца влечет невольной силой.

¹ Элегия «Редеет облаков летучая гряда» и письмо М. Ф. Орлова к жене Екатерине Николаевне помогли Б. В. Томашевскому назвать имя женщины, внушившей Пушкину возвышенное чувство.

3-го июля 1823 г. Орлов писал своей жене Е. Н. Орловой из Кишинева в Одессу: «Среди кучи дел... я... приближаюсь к тебе или воображаю тебя близкой всякий раз, как вижу достопамятную звезду, которую ты мне указала. Будь уверена, что едва она восходит над горизонтом, я ловлю ее появление с моего балкона».

Неосторожный друг, я знал: нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи опустив, не внемлет и не видит.

И эти стихи характеристичны, они раскрывают индивидуальную особенность Екатерины Николаевны. Окруженная постоянным поклонением, она оставалась совершенно равнодушной, безучастной к поэту.

В Кишиневе Пушкин живет дорогими для него воспоминаниями, он переносится воображением в Гурзуф, где был счастлив, и заканчивает начатое в Каменке стихотворение «Кто видел край, где роскошью природы...». В рукописи сохранились стихи, не вошедшие в окончательный текст:

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
Забыв молву и света суеты,
На берегах веселого Салгира¹
Воспоминать души моей мечты?

В конце мая — начале июня 1821 г. Орловы приезжают в Кишинев. Летом у них гостит Н. Н. Раевский-старший с женой и дочерьми. Пушкин был частым гостем в доме Орловых.

В поэме «Кавказский пленник» «...тайный глас души» самого поэта созвучен с переживаниями пленника:

...в нем теснились
Воспоминанья прошлых дней...
Лежала в сердце, как свинец,
Тоска любви без упованья.

Особой психологической конкретностью отличаются описания душевных переживаний пленника, в них отражен личный любовный опыт поэта, его уединенные мечты (вариант: *неразделенные мечты*):

Нет, я не знал любви взаимной,
Любил один, страдал один.

Некоторые из черновых набросков напоминают «любовный бред» «Бахчисарайского фонтана»:

Безумец! Я любви желал.
Я полюбил! Мятужной страсти
Я пламень роковой познал.
Огонь и жажду я познал.

¹ Салгир (татарск.) — название реки.

Как виденье, призрак, слегка намечен образ возлюбленной героя:

Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвенье предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою.

В поэме, как и в лирике, с темой несчастной любви как ее исход соседствует тема смерти:

Умру вдали брегов желанных;
Мне будет гробом эта степь.

К 1822 г. поэт «безотрадно испытал» и расцвет своей любви к Е. Н. Раевской-Орловой и ее завершение: любимая стала женой приятеля, М. Ф. Орлова, а в начале января 1822 г. вместе с мужем уехала в Киев и, вероятно, уже больше в Кишинев не возвращалась. В январе 1822 г. Пушкин с ней простился.

Летом 1822 г. начинается основная работа над крымской поэмой, вдохновленной воспоминаниями об Е. Орловой. «Бахчисарайский фонтан» создавался как раз в то время, когда вдохновительница поэта отдыхала в Крыму. В эпилоге поэмы Пушкин выражал свою заветную мечту:

Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный,
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.

Интимным характером поэмы объясняется, по-видимому, и то обстоятельство, что Пушкин, охотно делившийся с друзьями поэтическими замыслами, очень редко упоминает в письмах о «Бахчисарайском фонтане». Он писал эту поэму, по его словам, для себя, не желая печатать. Впервые о крымской поэме Пушкин сообщал брату 25 августа 1823 г. из Одессы.

Накануне выхода в свет «Бахчисарайского фонтана» (8 февраля 1824 г.) он писал А. А. Бестужеву: «Радуюсь, что мой «Фонтан» шумит. Недостаток плана не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины. К нежным законам стиха я приноровлял звуки ее

милых и бесхитростных уст». Молодая женщина — Екатерина Раевская.

Осматривая в Бахчисарае вечный памятник любви хана к жене-христианке, Пушкин вспоминал, что она называла его «фонтаном слез». Это о ней писал поэт А. А. Дельвигу: «Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя «la fontaine des larmes» («фонтаном слез»). Вошед в дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевают, и на полуевропейские переделки некоторых комнат».

Ученые спорят о вдохновительнице поэмы, кто скрыт за этой литерой «К». Они называют имена С. С. Потоцкой-Киселевой (Л. П. Гроссман), М. Н. Волконской (П. Е. Щеголев). Но литера «К» — начальная буква имени Катерина, как называли ее родные и близкие люди. Возможно, Пушкин имел в виду именно Е. Н. Орлову.

В черновом варианте письма к Дельвигу воображение своей рассказчицы Пушкин называет поэтическим: «Поэтическое воображение «К». Переписывая дважды письмо и исправляя его, он трижды написал букву «К». «Трудно допустить, — справедливо замечал исследователь Пушкина А. М. Лобода, — чтобы Пушкин в частном письме к другу умышленно выбрал инициал, не соответствующий имени своей героини: проще было бы вовсе не упоминать о нем, если же так, то наиболее подходящим лицом для инициала К** будет Катерина Николаевна (Китти, Катя) Раевская»¹. По всему вероятно, литера «К» — действительно начальная буква имени *Катерина*. Так поэт называет Екатерину Николаевну позже в письмах к Вяземскому.

Катенькой, Катериной постоянно именуется она в многочисленных письмах родных.

Пушкин использует конкретные факты биографии своей вдохновительницы и вводит их в сюжет «Бахчисарайского фонтана». В крымском предании упомянута только фамилия Потоцкой, похищенной Керим-Гиреем. Пушкин вводит в поэму эпизодический образ отца Марии и поэтично рассказывает о его любви к дочери:

¹ Лобода А. М. Пушкин и Раевские. — В кн.: Пушкин. Сочинения. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, т. II, с. 107.

Седой отец гордился ею
И звал отрадою своею.
Для старика была закон
Ее младенческая воля.
Одну заботу ведал он,
Чтоб дочери любимой доля
Была, как вешний день, ясна,

Чтоб и минутные печали
Ее души не помрачали,
Чтоб даже замужем она
Воспоминала с умилением
Девичье время, дни забав,
Мелькнувших легким
сновиденьем.

В этом рассказе вполне отразилась сердечная привязанность отца Раевского к Екатерине Николаевне. Н. Н. Раевский был заботливым и любящим отцом, но особую нежность проявлял к старшей дочери, которую в своих письмах неизменно ласково называл Катенькой. Она была его любимицей: «...вы близки мне, так как вы привязаны ко мне с вашего детства, вы ребенок моих забот, моего сердца». Он делает все возможное для ее счастья. «Надеюсь вас увидеть счастливой в этой жизни...», — пишет он. Окруженная знатными и богатыми женихами, она никого не любила и не хотела выходить замуж. «Мой друг, — пишет озабоченный ее будущим отец, — вы никого не полюбите до того, как будете замужем. Это правда, как вам говорили в моем присутствии в Киеве... Не найти, кто бы вас стоил. Это не лесть, моя дорогая дочь, я не слеп насчет своих детей, поверьте!.. Я не знаю ни одного молодого человека в Петербурге, которого я мог бы желать мужем для вас, я не знаю никого, кто бы был способен оценить вас...»

Толпы вельмож и богачей
Руки Мариной искали,
И много юношей по ней
В страданье тайном изывали.
Но в тишине души своей
Она любви еще не знала...

В «страданье тайном» юношей можно видеть намек и на любовь одного из них — самого поэта.

Реальный облик Екатерины Николаевны отражается не только в бесстрастии, «тишине души» героини, но и в ее живости, в обаянии ее молодости, душевной гармонии и красоты:

Все в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые...

Но это красота страдающая, отмеченная ранним увяданием. Те же черты идеального женского образа знакомы по южной лирике («Увы, зачем она блистает...»).

У лирической красавицы тот же характер, те же душевные качества, что у героини поэмы: тихая, ясная душа, врожденная живость и грация движений. Заключительные стихи «Бахчисарайского фонтана», «любовный бред», навеяны безответной любовью поэта:

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань.

(«Бахчисарайский фонтан»)

Заглавие, указывающее, кому посвящен «Бахчисарайский фонтан», Пушкин густо зачеркнул чернилами. Зачеркнутыми оказались инициалы *Н. Н. Р.*, что означало *Николаю Николаевичу Раевскому*. Пушкин не ввел при издании поэмы текст посвящения и тем самым отказался от намерения посвятить поэму другу. Но значение его в том, что он снова вводит нас в семью Раевских. Предание, положенное в основу сюжета крымской поэмы, знал Николай Николаевич, о чем свидетельствует один из вариантов вступления: «Давно печальное преданье ты мне поведал в первый раз». Оно было известно всей семье Раевских, всем сестрам. «Младые девы» тоже рассказывали это предание. И рассказ одной из них вдохновил поэта. Этой вдохновительницей, как нам представляется, была Е. Н. Раевская.

В 1824 г. возникает цикл стихотворений, снова навеянных крымскими воспоминаниями. «Крым у Пушкина, — пишет известный советский филолог Г. О. Винокур, — является поэтическим образом, который насыщен интенсивным любовным содержанием... Пушкин, вероятно, навсегда сохранил это чувство по отношению к Крыму. Он говорит о Крыме, как о любимой женщине, на которую в свое время недостаточно нагляделся...»

В связи с созданием образа Марины Мнишек в трагедии «Борис Годунов» Пушкин снова вспоминает Е. Орлову в письме к Вяземскому.

Ссылка в Михайловское разлучила Пушкина с его вдохновительницей. Новая их встреча произошла 26 декабря 1826 г. в салоне кн. З. А. Волконской. Пушкин был

свидетелем проявления великодушия и доброты Екатерины Николаевны и не мог не оценить их. «Сестра,— вспоминала Мария Николаевна,— видя, что я уезжаю без шубы, испугалась за меня, и, сняв со своих плеч салоп на меху, надела его на меня. Кроме того, она снабдила меня книгами, шерстяными для рукоделия и рисунками».

Видимо, Екатерину Орлову имел в виду Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога», полным грусти, написанном после поездки в Москву в декабре 1826 г.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мирный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

«Кто такая Нина — неизвестно», — замечали комментаторы лирики Пушкина, затрудняясь определить, к кому обращено стихотворение. Попробуем ответить на это. В семье Раевских у сестер были условные, домашние имена. Так, младшую из сестер, Софью, звали *Кокот*. Из письма М. Ф. Орлова к жене и «Воспоминаний» А. П. Керн выясняется, что в семейном кругу Екатерину Николаевну называли *Ниной*. А. П. Керн вспоминает: «...я имела счастье... посетить бесподобное семейство Раевских... Николай Николаевич... представил жене своей моего мужа... Она сейчас приняла меня под свое покровительство, приголубила и познакомила со всеми дочерьми своими. Старшая, полная грации и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина, о которой потом вспоминал Пушкин». Во французском письме к жене, гостившей с детьми у отца, Михаил Федорович пишет несколько фраз по-русски для шестилетнего сына Николая. Между прочим, он дает ему шутовское поручение, из которого видно, что жену, Екатерину Николаевну, Орлов называл: «мамой Ниной», а дочь Анну — Нинушкой.

Осенью 1830 г. в Болдине создавалась VIII глава «Евгения Онегина». Позже в известном письме к Н. Б. Голицыну Пушкин признавался, что замысел «Евгения Онегина» возник в Крыму.

О своей крымской любви поэт рассказал в лирических отступлениях I главы «Евгения Онегина». В качестве вступления к I главе «Онегина» в первой публикации Пушкин выбрал стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом».

Это своеобразная увертюра, лейтмотивом которой является безответная любовь поэта. С большой поэтической силой трагическая любовь героев воплощена в VIII главе романа. Характер Татьяны в романе Пушкина — широкое, художественное обобщение, а не снимок с знакомых поэту лиц. Вместе с тем «первоначальные представления Пушкина об «идеале-гордой девы», несомненно, возникли под неотразимым обаянием дочерей Раевского — Екатерины, Елены, Марии».

М. Н. Раевская.
Рисунок
А. С. Пушкина.

Отличительная черта характера Татьяны — необычайно развитое чувство долга. Эта черта характера пушкинской героини восходит и к М. Н. Волконской и к Е. Н. Орловой, которая, как и ее сестра, не задумываясь, поехала бы в Сибирь.

Среди черновых строф VIII главы «Онегина» есть еще одна (XXVIa), не вошедшая в окончательную редакцию и изображающая появление на балу прекрасной женщины. Само имя наводит на мысль, что перед нами, возможно, еще один вариант портрета Екатерины Николаевны. Еще раз вспомним, что родные называли ее Ниной.

Смотрите: в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей;
В волненье перси, плечи блещут,
Горит в алмазах голова.

В черновых набросках VIII главы «Евгения Онегина» прекрасная женщина в дверях сравнивается с картиной, которой все любят.

Полюбив Е. Н. Раевскую еще девушкой, Пушкин утаил свое чувство к этой замечательной женщине, поэтому оно выражается в его стихах неопределенно, дорогими для поэта и нас намеками.

«**Черты далекой, бедной девы**»¹. Юные годы М. Н. Волконской были озарены гением Пушкина. Поэт знал М. Раевскую еще девочкой, а потом юной девушкой. Музыкально одаренная, она обладала прекрасным голосом и украшала своим пением музыкальные вечера в доме отца. Поэт любовно следил за ее развитием.

Позже Пушкин видел Волконскую в декабре 1826 г., в начале трагического периода ее жизни, совершающую высокий гражданский подвиг. С непоколебимой волей

¹ Биография М. Н. Волконской освещена в литературе значительно более подробно, чем жизнь других членов семьи Раевских. Основным источником сведений о М. Н. Волконской — ее собственные воспоминания, а также мемуары декабристов и ряд позднейших биографических работ, посвященных ей. В настоящем очерке рассказано лишь об основных фактах ее жизни. Для более подробного знакомства с личностью Волконской отсылаем читателя прежде всего к ее мемуарам («Записки княгини М. Н. Волконской». Красноярск, 1975).

эта юная, двадцатилетняя женщина решила добровольно разделить сибирское заточение мужа — декабриста. Мужественно преодолела она противодействие родной семьи и преграды, которые ставил царь на пути жен декабристов, отправлявшихся в Сибирь.

У Волконской было необычайно высокое представление о супружеском долге, и она героически выполнила свой долг. Славу Волконской разделили еще 10 женщин, последовавших за мужьями в Сибирь. Пушкин преклонялся перед подвигом этих прекрасных русских женщин.

Детские годы ее прошли в Киеве и в имении отца Болтышке. Она получила хорошее воспитание и образование, рано полюбила литературу и музыку. С детскими годами связаны ее светлые воспоминания о «радостях и удовольствиях» в доме отца и особенно о путешествии на Кавказ и в Крым в 1820 г., когда Марии Николаевне не было 15-ти лет.

М. Н. Волконская
с сыном Николаем.
Художник
П. Ф. Соколов.
1826.

Портрет привезен
Волконской
мужу в Сибирь
и находился
у него в остроге.

Это одна из ярких страниц детских лет Марии Николаевны. В Ставрополе она впервые увидела вершины Эльбруса — впечатление сильное и захватывающее. Позже Пушкин описал в стихах Кавказские горы, которыми любовался вместе с Раевскими:

Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.
(«Кавказский пленник»)

Проехав Мариуполь, путешественники увидели Азовское море. За почтовой станцией Самбек 30 мая 1820 г. они сделали остановку. Мария Николаевна вспоминала: «Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша вагата, выйдя из кареты, бросилась к морю любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала, для забавы, бегать за волной и вновь убегать от нее, когда она меня настигала; под конец у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась в карету». Поэт наблюдал эту игру с морским прибоем. В своих мемуарах она писала: Пушкин нашел эту картину такой красивой, что воспел ее в прелестных стихах...

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
(«Евгений Онегин»)

В 1825 г. Мария Николаевна стала женой Сергея Григорьевича Волконского. Об этом важном событии своей жизни Волконский сообщал Пушкину: «Не буду вам говорить о моем счастье, будущая моя жена была вам известна».

Мария Николаевна почти не знала Волконского до свадьбы. Ничего не знала она и о существовании тайного общества.

Сын Волконских родился 2 января 1826 г., когда его отец, признанный видным политическим преступником,

сидел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. На молодую женщину, еще не вполне оправившуюся от тяжелых родов и последующей болезни, обрушилось тяжкое испытание, и она обнаружила могучие душевные силы. «Несчастье обнаружило во мне энергию решительности и особенно терпения»,— писала она отцу.

Мария Николаевна считала своим долгом разделить свою жизнь между мужем и сыном. Она видела, какой нежностью и заботой окружают ее ребенка близкие родные, и в одном из писем признавалась: «Мой сын счастлив, мой муж — несчастлив,— мое место около мужа».

Суд приговорил С. Г. Волконского к 20-летней каторге и пожизненному поселению в Сибири. М. Волконская решила разделить участь мужа. Перед отъездом к мужу она писала отцу, что ею руководит не экзальтация, а чувство долга. Ей пришлось испытать горечь разлуки с маленьким сыном, которого не позволяли взять с собой. Особенно тяжелым было прощание с отцом и сыном. Мария Николаевна просила отца быть опекуном маленького Николая. «Тогда мой бедный отец, не владея более собой, поднял кулаки над моей головой и вскричал: «Я тебя проклян, если ты через год не вернешься».

С сыном она простилась у люльки на коленях. Расставаясь с сыном, Мария Николаевна еще не знала, что ей будет запрещено к нему вернуться.

В Москве она остановилась у своей невестки З. А. Волконской, жены родного брата мужа, Н. Г. Волконского. Широкой известностью в Москве пользовался ее салон. По словам П. А. Вяземского, в нем соединялись «люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники». Частыми посетителями ее салона были Пушкин, В. А. Жуковский, опальный польский поэт А. Мицкевич, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов и др.

Эта замечательная женщина своего времени — писательница и поэтесса, композитор и певица, устроила в честь М. Волконской прощальный вечер. Она не побоялась навлечь на себя новые неприятности. После восстания декабристов З. Волконская и сама находилась под тайным надзором полиции. Управляющий канцелярии «Третьего отделения» М. Я. Фон-Фок доносил шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Между дамами самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части прави-

тельство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных; и нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг».

Вечером 26 декабря великолепный дом Волконской на Тверской был ярко освещен. По обыкновению, съезжались гости. Зинаида Александровна, зная, что невестка страстно любит музыку и пение, устроила для нее концерт итальянских певцов и любителей. Мария Николаевна вспоминала: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской... она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памятны навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне... я была в восторге от чудного итальянского пения, а мысль, что я слышу его в последний раз, еще усиливала мой восторг. Я говорила им: «Еще, еще, подумайте, ведь я никогда больше не услышу музыки».

Сохранилось яркое воспоминание А. В. Веневитинова о «незабвенном вечере» и о Марии Николаевне: «Она хороша собой, но глаза ее чрезвычайно много выражают... так рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вместе могучая женщина — больше своего несчастья. Она его преодолела, выплакала...» «Она в продолжении целого вечера, все слушала, как пели. До двенадцати часов ночи она не входила в гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской. — *Н. Л.*) много было гостей, но сидела в другой комнате за дверью, куда к ней беспрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить». Среди собравшихся был и А. С. Пушкин.

В конце декабря 1826 г. М. Н. Волконская выехала из Москвы. О большом душевном подъеме говорит ее прощальное письмо к родным: «Дорогая, обожаемая матушка, я отправляюсь сию минуту; ночь — превосходна, дорога — чудесная...» «Сестры мои, мои нежные, хорошие, чудесные и совершенные сестры, я счастлива, потому что я довольна собой». Сибирь она называла «дорогой» и выехала из Москвы с каким-то восторгом. Путь от Москвы до Иркутска длиною в 6 тысяч верст она проделала за три недели. В Иркутске ее ждало новое испытание. Губернатор Цейдлер, выполняя царскую волю, должен был настоять на ее возвращении в Россию или, в случае отказа, заставить ее подписать инструкцию с отречением от

звания, прав и имущества. В инструкции было сказано: «Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, делается естественно причастной к его судьбе... будет уже признаваема не иначе, как женою ссыльно-каторжного... Начальство не в состоянии будет защитить ее от ежечасных могущих быть оскорблений от людей самого развратного и презрительного класса... Оскорбления сии могут быть насильственные. Дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне... Ни денежных сумм, ни вещей многоценных с собой взять не позволено».

«Подумайте же, какие условия вы будете должны подписать»,— сказал губернатор и получил в ответ: «Я их подпишу, не читая». В Благодатском руднике состоялась ее первая встреча с мужем в тюрьме: «В первую минуту я ничего не разглядела, так как там было темно... я поднялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; бряцание его цепей поразило меня: я не знала, что он был в кандалах... Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом — его самого».

Ссылка и каторга не сломили С. Г. Волконского. Он остался верен идеалам своей молодости. В Сибири Волконский проявил исключительную близость к простому народу: интересовался хозяйством крестьян и даже их семейной жизнью. И сам он занимался крестьянскими работами, огородничеством, разведением парников во дворе Читинского острога.

Жизнь Марии Николаевны в Сибири, полная лишений и борьбы за существование мужа и детей, волнующе и живо описана в ее мемуарах и письмах из Сибири. С непоколебимой энергией и волей заботилась она о муже: «Облегчить его душевные страдания...— писала она матери Сергея Григорьевича,— долг сладкий моему сердцу, и будьте уверены — это цель моей жизни». Заботилась она и о товарищах мужа. Она писала письма от ссыльных декабристов, лишенных права переписки, их родным. В один почтовый день Волконская успевала иногда написать по 20 писем. Декабристы называли ее «наше окно и свет». Вот что писал М. Н. Волконской в прощальном письме лицейский друг Пушкина декабрист В. К. Кюхельбекер по отбытии срока наказания: «...все что есть достойного уважения и прекрасного в характере каждого из них

(товарищей по ссылке, — *Н. Л.*), все это в наибольшей и чистой степени представлено Вами, их... утешителем».

В Чите Мария Николаевна и другие жены декабристов приходили к ограде тюрьмы и приносили заключенным письма от родных, сообщали новости. Декабристы дорожили участием к ним замечательных женщин. Их общие чувства верно выразил А. И. Одоевский в стихотворении «М. Н. Волконской», написанном 25 декабря 1829 г., в день ее рождения. Поэт рассказал, как в краю слез и скорби появились их спасительницы:

И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

М. Н. Волконская
в Чите.
Акварель декабриста
Н. А. Бестужева.
1828 г.

Когда в марте 1841 г. М. С. Лунина заточили в крепость в Акатуе без права переписки, совершенно изолировав его от внешнего мира, Волконская через верных людей все-таки переписывалась с ним: «Ваши письма, сударыня,— писал Михаил Сергеевич,— возбуждают мою бодрость и скрашивают суровые лишения моего заключения. Я Вас люблю так же, как и мою сестру. У нас считается заслугой быть в сношениях с противником власти». Для уголовных каторжан Благодатского рудника она покупала холст на рубахи, помогала и бедному местному населению, посещала больных. «Эта женщина должна быть бессмертна в русской истории,— говорили о Марии Николаевне люди, знавшие ее в Сибири.— В избу, где мокро, тесно, скверно, лезет, бывало, эта аристократка и зачем? — да посетить больного. Сама исполняет роль фельдшера, приносит больным здоровую пищу и, разузнав о состоянии болезни, идет в каземат к Вольфу, чтобы он составил лекарство». Свободное время «...она проводила... за чтением,— вспоминал ее сын, Михаил Сергеевич Волконский,— и круг ее знаний выходил за пределы обычного уровня. Исторические науки и литература ее больше всего привлекали; ни разу не видал я в ее руках... пустой книги». В Сибири Мария Николаевна продолжала заниматься музыкой. Она любила петь и играть на фортепьяно. В Иркутске «к удивлению и восторгу» она обнаружила «клавикорды», привязанные «сзади ее кибитки тихонько» от нее. Этот подарок сделала ей Зинаида Волконская.

Многолетние испытания подорвали здоровье Волконской. Она нуждалась в лечении. В 1855 г. по состоянию здоровья ей разрешили оставить Сибирь. Мария Николаевна поселилась в Москве.

Через год в Москве горячо встретили возвратившегося из Сибири С. Г. Волконского, «умудренного, полного незыблемой веры в Россию и любви к ней и высокой внутренней простоты». Он послужил прототипом дедушки, нераскаившегося декабриста, в поэме Н. А. Некрасова «Дедушка».

Некоторое время Волконские провели за границей. Тяжелая болезнь ускорила смерть М. Н. Волконской. Она умерла 10 августа 1863 г. Ее похоронили в с. Воронки Черниговской губернии в имении зятя. Рядом с ней в 1865 г. появилась могила С. Г. Волконского.

Трагические обстоятельства, жизнь М. Н. Волконской в Сибири и ранняя гибель Пушкина, сделали их общение менее продолжительным, чем оно могло быть. Наиболее памятным это общение было в 1820 г. О гурзуфской жизни поэта с Раевскими рассказал Н. А. Некрасов в поэме, посвященной М. Н. Волконской:

В Юрзуфе он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приотился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и в горы влюбился.

Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом¹,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...

Позже Пушкин встречался с Марией Николаевной в Каменке, Киеве, Кишиневе, куда летом 1821 г. Раевские приезжали к Е. Орловой, и, наконец, летом 1823—1824 гг. в Одессе. Пушкин знал о неудачном сватовстве графа Олизара к М. Раевской. Он отозвался на это в своем послании к польскому поэту, известном лишь в черновом виде:

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,

¹ О своем друге кипарисе Пушкин упоминает в письме к Дельви-гу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество».

Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.
(«Графу Олизару»)

Но в послании заключена и другая мысль — «поэзия преодолевает национальные различия и предрассудки»:

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Перед улыбкой муз небесной
Земная ненависть молчит!..

О последней встрече с великим поэтом на прощальном вечере у З. Волконской вдохновенно рассказано в поэме Некрасова:

Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
.....
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!
(«Княгиня Волконская»)

Сама М. Н. Волконская вспоминала: «...во время добровольного изгнания в Сибирь жен декабристов он был полон искреннего восторга... Пушкин мне говорил: «Я намерен написать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к вам просить пристанища в Нерчинских рудниках». Этими строками обрываются воспоминания Марии Николаевны о Пушкине в ее «Записках». Но есть и другие письменные свидетельства Волконской об ее отношении к Пушкину. В 1829 г. поэт откликнулся стихами на смерть ее сына Николая. Волконская делилась с отцом своими впечатлениями об этой прекрасной «Эпитафии»: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию моему дорогому ангелочку. Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится столь многое. Как же я должна быть благодарна автору; дорогой папа, возьмите на себя труд выразить ему мою признательность...»

М. Н. Волконская высоко ценила громадный талант Пушкина, называла его великим русским поэтом, восхи-

щалась его произведениями. Интересно ее замечание о трагедии «Борис Годунов» в письме из Сибири от 20 марта 1831 г.: «Борис Годунов» вызывает наше общее восхищение: в нем раскрывается талант нашего великого поэта, достигший полной зрелости; образы очерчены с высшей энергией и силой, сцена летописца великолепна, но, признаюсь, я не нахожу в этих стихах той поэзии, которая чаровала меня когда-то, той неподражаемой гармонии, несмотря на всю силу его теперешнего творчества».

Есть разные предположения о месте Марии Николаевны Волконской в творчестве Пушкина. Сама она, кроме XXXIII строфы I главы «Евгения Онегина» («Я помню море пред грозою...»), относила к себе стихи об очах Заремы из «Бахчисарайского фонтана»:

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

Советские исследователи связывали с ее именем кавказские стихотворения Пушкина «Не пой, красавица, при мне» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла». В первом поэт вспоминает «о своем пребывании летом 1820 г. на Северном Кавказе с семьей Раевских,— пишет Т. Г. Цявловская,— далекая бедная дева — вероятно, М. Н. Раевская... Вслед за первой строфой в рукописи была еще одна:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины»

Горячие споры среди пушкинистов вызвало таинственное посвящение, предпосланное «Полтаве». К кому оно обращено? У Пушкина ни в рукописи, ни, тем более, в печатных изданиях женщина, которой адресовано посвящение, не названа. Пушкинист и историк П. Е. Щеголев первый высказал предположение, что утаенной любовью Пушкина была М. Н. Раевская-Волконская и что ей посвящена «Полтава».

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?

Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

«Пушкин оставил,— писал он,— поэтическое свидетельство, которое не только удостоверяет нас в том, что поэт любил именно Марию Раевскую, но и указывает на глубину и серьезность чувства поэта...»

В черновой рукописи посвящения Щеголев впервые прочел строку «Сибири хладная пустыня». Но контекст, в который входит эта строка, до сих пор представляется спорным:

Что ты единая святыня,
Что без тебя (свет) (?) (мир)
Сибири хладная пустыня.

Не все пушкинисты приняли гипотезу Щеголева. Одни признавали ее ошибочной (М. О. Гершензон, Ю. Н. Тынянов), другие не вполне убедительной (Б. В. Томашевский, С. М. Бонди), и лишь в последние годы «многие пушкинисты принимают гипотезу Щеголева как вполне доказанную», полагая, что посвящение к «Полтаве» исполнено глубокого чувства поэта к М. Н. Волконской и горестных раздумий о ее судьбе (Л. П. Гроссман, Т. Г. Цявловская, Д. Д. Благой и Н. В. Измайлов).

Независимо от полемики ученых, Мария Николаевна, безусловно, была для Пушкина идеалом душевного величия и красоты. Впечатления от нее и других жен декабристов определяли представление поэта о русской женщине, ее самоотверженной преданности и чувстве долга. М. Н. Волконская оставила свой след не только в жизни и творчестве Пушкина. Имя ее прославлено в литературе. В поэме «Русские женщины» ее подвиг увековечил Н. А. Некрасов. Жены декабристов вдохновили также французского поэта Альфреда де Виньи на создание поэмы «Ванда». Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская яви-

лись прототипами ее героини. В 60-х гг. Л. Н. Толстой рассказывал И. С. Тургеневу о задуманном им романе о декабристе, вернувшемся после амнистии из Сибири. В начале 1861 г. Толстой читал первые главы романа. Но, создав три главы, писатель прекратил работу над романом. Исследователи творчества Толстого называли в качестве прототипа его героя Петра Ивановича Лабазова князя С. Г. Волконского, а его жены — М. Н. Волконскую.

Так героическое имя ее стало бессмертным не только в русской исторической жизни, но и в литературе.

СОДЕРЖАНИЕ

*

ОТ АВТОРА

3

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

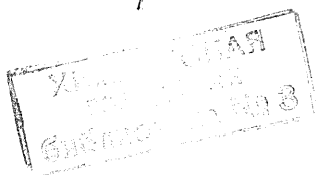
5

ПУШКИН И ГЕРОИ 14 ДЕКАБРЯ.

14

«РАЕВСКИЕ МОИ»

63

Надежда Михайловна ЛОБИКОВА
«ТЕСНЫЙ КРУГ ДРУЗЕЙ МОИХ»

Пушкин и декабристы

Редактор *Т. П. Казымова*
Художник *Ю. К. Левиновский*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *Г. Л. Нестерова*

ИБ № 4649

Сдано в набор 06.06.79. Подписано к печати
06.06.80. А 06999. 84×108¹/₃₂. Бум. кн. журналь-
ная. Литер. гарн. Высокая печать. Условн. печ.
л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,29. Тираж 200 000 экз.
Заказ № 438. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Просвещение» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной
рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграф-
прома при Государственном комитете СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

20 коп.

